

Вернэлия Хайд

Зкраденная
невеста
повелителя
теней

Вернэлия Хайд

Украденная невеста повелителя теней

<https://litres.ru/74354168>

Аннотация

В детстве я попала в другой мир и теперь ради спасения королевства, ставшего мне родным домом вынуждена стать женой жестокого и безжалостного короля соседней страны. Возжелавшего мое тело и душу. Брак больше похож на рабство, а обручальные клятвы на кандалы, мешающие дышать. Только вот как известно самые темные ночи перед рассветом. Пусть он видит во мне лишь пешку в своей игре, пусть считает слабой и сломленной. Я покажу ему, что значат женское упорство и нестигаемая воля. Моя красота - это оружие, ум - щит, а гордость - несокрушимая стена. Я стану его тенью, его кошмаром, его погибелью. Ну что ж, дракон, посмотрим, кто падет и к чьим ногам ПОДДЕРЖИТЕ ИСТОРИЮ ЗВЕЗДОЧКОЙ Книга участвует в литмобе "РАБЫНЯ ЛЮБВИ"

В книге есть: ♥#Ненависть и любовь ♥# Горячие, откровенные сцены ♥# Вынужденный брак ♥# Противостояние характеров ♥# Сильная героиня

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
От автора. Визуализации	10
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 10.1	35
Глава 11 Астория	39
Глава 12 Астория	42
Глава 13 Даниэль	46
Глава 14 Даниэль	50
Глава 15	54
Глава 16	58
Глава 17	62
Глава 18	66
Глава 19	69
Глава 20	73
Глава 21	77

Глава 22	82
Глава 23 Астория	85
Глава 24 Астория	89
Глава 25 Даниэль	93
Глава 26 Даниэль	96
Глава 27: Астория	99
Глава 28: Астория	105
Глава 29 Астория	111
Глава 30 Даниэль	117
Глава 31 Даниэль	120
Глава 32 Астория	123
Глава 33 Астория	127
Глава 34 Астория	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Глава 1

*Он ждал нежную,
Ждал ранимую,
А у Судьбы на это был свой взгляд.
Она решила послать ему
Сильную,
Чтоб обрёл он и рай, и ад.
Он понял, что нежность*

– лишь хрупкая маска,

Что скрывает бушующий в сердце огонь,

И что любовь – это трудная сказка,

Где вместе пройти им дано сквозь огонь.

- Ну вот мы и остались одни, жена, - ухмыльнулся бело-волосый мужчина, удобно устраиваясь в массивном кресле, обитом красным бархатом.

Женщина, стоявшая у окна и наблюдавшая за уезжающими экипажами, медленно повернулась. В полумраке комнаты ее лицо казалось еще более бледным, чем обычно.

Длинные фиолетовые волосы водопадом спадали по хруп-

ким плечам. Пышное свадебное платье, расшитое серебряными нитями, теперь казалось неподъемной ношей.

- Да, господин, - тихо ответила девушка, стараясь не смотреть в глаза мужу. Голос ее дрожал, несмотря на все усилия сохранить спокойствие.

- Господин? - мужчина приподнял бровь, и ухмылка на его лице стала еще более зловещей. - Неужели я плохо научил тебя, как следует обращаться к супругу?

Женщина вздрогнула, но промолчала. Он подождал несколько мгновений, наслаждаясь ее страхом, а затем властно махнул рукой.

- Подойди сюда.

Она медленно повиновалась, ее движения были скованными и неуверенными. Каждый шаг давался с трудом, словно ее ноги были прикованы к полу.

Она знала, что ждет ее впереди, и эта мысль наполняла ее сердце ледяным ужасом.

- Ближе, - прорычал мужчина, когда она остановилась в нескольких шагах от него. - Я хочу видеть твоё прекрасное личико.

Женщина сделала последний, мучительный шаг и подняла глаза на мужа. В его холодных серых глазах не было ни капли тепла, лишь торжество и предвкушение. Она понимала, что теперь полностью в его власти, и надежды на спасение больше не осталось.

Он протянул руку, длинные пальцы с массивным перст-

нем скользнули по ее щеке, оставляя за собой ощущение холода и липкости.

Она невольно отшатнулась, но он крепко схватил ее за подбородок, не позволяя отвести взгляд.

- Теперь ты моя, целиком и полностью, - прошептал он, его голос был полон зловещей уверенности. - И ты будешь делать все, что я скажу. Поняла?

Девушка кивнула, не в силах произнести ни слова. Слезы потекли по ее щекам. Мужчина отпустил ее подбородок и откинулся на спинку кресла, наблюдая за ее мучениями с явным удовольствием.

- Хорошо, женушка. Тогда приготовься исполнять свои супружеские обязанности. Начнем прямо сейчас. - Его взгляд скользнул по ее телу, словно оценивая товар. Она закрыла глаза, в последний раз надеясь, что это всего лишь кошмар.

Дорогие читатели! Добро пожаловать в мою новую историю!

Книга пишется в рамках литмоба "РАБЫНЯ ЛЮБВИ"

Глава 2

- Хорошо, женушка. Тогда приготовься исполнять свои супружеские обязанности. Начнем прямо сейчас. - Его взгляд скользнул по ее телу, словно оценивая товар. Она закрыла глаза, в последний раз надеясь, что это всего лишь кошмар.

Мужчина щелкнул пальцами, и из тени выступил широкоплечий незнакомец с непроницаемым лицом. Тот молча протянул девушке кружевной платок.

Она взяла его дрожащими пальцами и попыталась вытереть слезы, но они текли все сильнее. Комната казалась враждебной, роскошная мебель давила, а запах дорогих духов казался удушающим.

Мужчина поднялся, его высокая фигура нависла над ней. - Не трать понапрасну мои платки, они стоят целое состояние. Твоя истерика меня не трогает, так что постарайся взять себя в руки. У тебя будет много времени, чтобы привыкнуть к своему новому статусу. - Он схватил ее за руку, его хватка была железной.

Мужчина потащил ее к выходу из комнаты. Девушка упиралась, но он был сильнее. Сердце бешено колотилось в груди, словно птица, бьющаяся в клетке. Она понимала, что ее жизнь изменилась навсегда, и впереди ее ждет только тьма.

Девушка попыталась вырваться, но его пальцы впились в

ее запястье, словно стальные тиски. Слезы застилали глаза, мешая видеть, куда он ее ведет. Каждый шаг отдавался гулким эхом в ее голове, предвещаая неминуемую катастрофу.

Впереди показалась массивная дубовая дверь, которую слуга бесшумно открыл. За ней простирался длинный коридор, освещенный приглушенным светом канделябров. Она лихорадочно оглядывалась, пытаясь найти хоть малейшую надежду на спасение, но вокруг были лишь холодные каменные стены и безразличные, сожалеющее лица слуг, скользнувших в сторону при их приближении.

Девушку втоптали в просторную комнату, обставленную в мрачных тонах. Огромная кровать из красного дерева с балдахином доминировала в центре, напоминая похоронный катафалк.

Мужчина отпустил ее руку, и она, шатаясь, отступила назад, пока не почувствовала спиной холод стены. В его глазах не было ни капли сочувствия, только лед.

- Здесь ты будешь жить, – произнес он, и эти слова прозвучали как смертельный приговор.

От автора. Визуализации

Дорогие читатели, добро пожаловать в мою новую, обжигающую историю.

Я очень надеюсь, что вам понравится и вы поддержите меня и историю звездочкой.

А я вам вот чего принесла

Наша нежная и милая героиня

И ее грозный и жестокий красавчик муж

Глава 3

- Здесь ты будешь жить, – произнес он, и эти слова прозвучали как смертный приговор.

Страх парализовал ее. Она знала этот взгляд. Видела его раньше в глазах хищников, обрекающих жертву на смерть. Комната словно уменьшалась, стены надвигались, душили своей тяжестью. Сердце бешено колотилось, пытаясь вырваться из груди, словно птица, попавшая в клетку.

Девушка медленно провела взглядом по комнате, стараясь запомнить каждую деталь, каждое возможное оружие. Ваза на каминной полке? Тяжелый подсвечник? Любая мелочь могла стать ее спасением, последним шансом на свободу. Но он не давал ей времени.

Мужчина сделал шаг вперед, и она вздрогнула.

- Тебе некуда бежать, – прошептал он, его голос был полон уверенности и злорадства. - Теперь ты моя. - Эти слова эхом отразились в комнате, отзываясь леденящим ужасом в ее душе.

Она закрыла глаза, и единственное, что осталось – это отчаянная надежда на чудо, на спасение, которое, казалось, уже никогда не придет.

Он приблизился, и девушка почувствовала его дыхание на своем лице.

Запах дорогих сигар и терпкого елового парфюма сме-

шался с ее слезами, создавая тошнотворную смесь. Она отвернула голову, пытаясь избежать его взгляда, но он схватил ее за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. В них отражалась лишь пустота и холодная жестокость.

- Не смей отворачиваться от меня, – прорычал он. - Ты должна запомнить каждое мгновение этой поистине прекрасной ночи. Каждую секунду.

Мужчина отпустил ее подбородок и достал из кармана маленький серебряный колокольчик. Легким движением он позвонил в него. Дверь бесшумно открылась, и вошла служанка с опущенной головой.

- Приготовь ванну для госпожи, Астории – приказал он, не сводя глаз с девушки. - Горячую и с лепестками роз.

Служанка поклонилась и исчезла так же незаметно, как и появилась. Он снова посмотрел на нее, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на насмешку.

- Пора смыть с тебя грязь прошлой жизни, женушка. Ты теперь другая.

Мужчина взял ее за руку и потащил в смежную комнату, где уже парила горячая ванна, наполненная благоухающими лепестками. Служанка стояла в углу, не смея поднять глаз. Он отпустил ее руку и обвел взглядом комнату.

- Раздевайся, – коротко приказал.

Так же сегодня стартовала вторая книга литмоба!

Трофей чёрного грифона

<https://litnet.com/shrt/r7hl>

Аннотация

Из современного мира угодила в дремучее средневековье, где царят патриархат и право сильнейшего. Теперь я всего лишь военный трофей, и церемониться со мной захватчик не намерен. Его право — свергнуть короля и заполучить корону, мой долг — согреть постель и нарожать одарённых наследников. Но кто сказал, что я так просто смирюсь с уготованной мне участью?

Глава 4

Раздевайся, – коротко приказал он. Она замерла, не в силах пошевелиться. Страх сковал ее тело, лишая воли. Астория знала, что это только начало.

Мужчина усмехнулся, наблюдая за ее реакцией.

- Боишься? Глупо. Страх – это роскошь, которую ты больше не можешь себе позволить. Здесь, в этом замке, все по-другому. Здесь я решаю, когда тебе дышать, когда говорить, а когда молчать. Неужели ты еще не поняла? - Он сделал шаг к ней, и она невольно отшатнулась.

- Раздевайся, – повторил он, на этот раз в голосе звучал стальной холод.

Астория медленно подняла руки, дрожащими пальцами расстегивая пояс свадебного платья.

Каждая застежка казалась ей непосильным препятствием, каждое движение – признанием поражения.

Служанка оставалась неподвижной, словно статуя, но девушка чувствовала на себе ее сочувствующий взгляд. Девушка скинула платье, обнажая тело, и замерла, ожидая следующего приказа.

Он подошел ближе и провел пальцем по ее ключице.

- Какая нежная кожа, – прошептал мужчина, от его прикосновения ее пробил дрожь.

- Но скоро она станет жестче. Жизнь здесь быстро стирает

все слабости. - Он взял ее за руку и повел к ванне. "Иди. Очистись. Забудь о прошлой счастливой жизни.

Она вошла в ванную, ступая по холодной плитке. Служанка молча закрыла за ней дверь, оставляя её наедине со своими мыслями и страхами.

Вода в ванной была обжигающе горячей, но она не почувствовала тепла, лишь оцепенение. Закрыла глаза, пытаясь отвлечься от происходящего, но в голове звучали его слова:

"Здесь я решаю"

Она чувствовала себя марионеткой, лишенной воли и права выбора. От нее зависела судьба целого народа, страны, которую пленил король северных земель Даниэль Армари

Астория опустила в воду, позволяя жару обжечь кожу. Воспоминания, словно осколки стекла, вонзались в сознание. Она потерла кожу докрасна, пытаясь смыть с себя его прикосновения, его взгляд, самую атмосферу этого проклятого замка.

Слезы смешались с водой, образуя соленую пелену вокруг лица. Астория погрузилась глубже, задерживая дыхание, словно надеясь утопить в горячей воде свой страх и отчаяние. Но они лишь усиливались, пульсируя в висках, напоминая о реальности ее положения.

Она вынырнула, жадно хватая воздух, и посмотрела на свои руки. Когда-то нежные и ухоженные, теперь они были красными и воспаленными от жесткого мыла и кипятка.

Астория поднялась из ванны, дрожа от холода и напряже-

ния. Служанка молча подала ей полотенце.

Не глядя на нее, Астория обернулась, ища глазами хоть какую-то одежду. На краю ванной лежало лишь тонкая кружевная сорочка едва достающая середины бедра. Она быстро надела ее, чувствуя себя еще более уязвимой и незащищенной. Что ждет ее дальше? Какие еще унижения ей предстоит вынести?

В голове возник образ родного дома, любящей семьи, народа, который ждет от нее спасения. Эта мысль, словно луч света, пробилась сквозь мрак отчаяния. Она должна выжить. Ради них. Астория выпрямила спину, решительно посмотрела на свое отражение в зеркале и вошла в комнату, где на кровати ее ждал супруг в одних брюках.

Еще одна интригующая новинка нашего Литмоба

Невольница черного дракона

<https://litnet.com/shrt/r7ao>

от Юны Ариманты

Мой муж отдал меня дракону в день нашей свадьбы. "Все-го одна ночь" — сказал он мне на прощание. Но переживу ли я ночь наедине с властным и опасным зверем? И отпустит ли он меня, как обещал?

Глава 5

Астория выпрямила спину, решительно посмотрела на свое отражение в зеркале и вошла в комнату, где на кровати ее ждал супруг в одних брюках.

Мужчина был красив, длинные белые волосы водопадом спадали по мощным плечам, красивый рельефный торс, накаченная грудь.

Его взгляд ледяных глаз скользнул по ее фигуре, обтянутой тонким кружевом. В нем не было ни нежности, ни сочувствия – лишь холодное, оценивающее наблюдение.

Астория заставила себя не отвести взгляд, стараясь сохранить остатки достоинства.

- Ты готова? - спросил Даниэль, и в его голосе слышалась насмешка.

Девушка не ответила, лишь крепче сжала кулаки. Мужчина подошел ближе, и Астория почувствовала исходящую от него волну опасности.

Он взял прядь ее мокрых волос и намотал на кулак, оттягивая вниз.

- Помни, кто здесь хозяин - прошипел Дэниэль ей в самое ухо.

Астория вздрогнула, но не позволила себе издать ни звука. Она закрыла глаза, представляя лица своих близких, черпая в этой мысли силу. Когда он отпустил ее волосы, девуш-

ка медленно открыла глаза и посмотрела ему прямо в глаза.
В ее взгляде больше не было страха, лишь решимость.
- Я готова, - тихо произнесла она, уголок ее губы дрогнул в едва заметной усмешке.

В глазах мужчины мелькнуло что-то похожее на интерес, но тут же исчезло, сменившись прежней ледяной пустотой.
- Прекрасно, - произнес он, отступая на шаг. Он жестом указал на кровать, - Снимай эту тряпку.

Астория молча подчинилась. Кружевная сорочка соскользнула на пол, обнажая ее перед его холодным взглядом. Даниэль подхватил ее на руки и понес к кровати. Астория обвила его шею, прижимаясь как можно ближе. Ее сердце бешено колотилось, кровь стучала в висках.

Он опустил ее на мягкие подушки и навис сверху, глядя в глаза темным, голодным взглядом. Девушка видела в них лишь отражение своей собственной обреченности. Даниэль нежно провел пальцем по ее щеке, и Астория вздрогнула.

- Не бойся, - прошептал он, - я не причиню тебе боли. Сегодня. Ты будешь моей, Астория

Он навис над ней, и девушка закрыла глаза, готовясь к неизбежному.

- Ты станешь моей королевой, - прошептал Даниэль, - и тогда ты забудешь о своем народе. Ты будешь править со мной, и мы вместе построим новую империю.

Астория открыла глаза и посмотрела на него с вызовом.

- Никогда, - прошептала она, - я никогда не предам свой

народ.

- Посмотрим, - Даниэль усмехнулся, впиваясь в губы девушки жадным поцелуем.

Глава 6

- Посмотрим, - Даниэль усмехнулся, впиваясь в губы девушки жадным поцелуем.

Поцелуй был жестким, требовательным, лишенным всякой нежности. Он словно пытался сломить ее волю, подчинить себе. Астория не отвечала на поцелуй, оставаясь неподвижной как статуя.

Внутри бушевал ураган эмоций: страх, отвращение, ненависть. Но внешне она сохраняла спокойствие, собрав всю свою волю в кулак.

Даниэль оторвался от ее губ, недовольно нахмурившись. Он ожидал сопротивления, ярости, но не этой ледяной отрешенности. Это раздражало его больше, чем любые крики и слезы. Он провел рукой по ее волосам, зарываясь пальцами в шелковистые пряди.

- Ты удивительная, Астория, - прошептал он, - в тебе есть сталь, которой я не ожидал увидеть. Но даже ее можно сломать. Он снова прильнул к ее губам, и на этот раз Астория ответила. Не из желания, а из расчета. Она поняла, что сопротивление лишь раззадорит его.

Лучше притвориться покорной, чтобы получить необходимое время В ее голове уже зрел план, рискованный и отчаянный, но это был ее единственный шанс.

Астория обвила его шею руками, притягивая ближе, и

прошептала:

- Я хочу, тебя, не останавливайся это наша первая ночь.

- Как пожелаешь.

Астория тихо застонал. Девушка плавилась под руками мужчины. Эти руки умели ласкать. Они медленно блуждали по стройному телу, изучая. Даниэль не торопился, взял своего внутреннего зверя контроль, постарался доставить максимум удовольствия жене. Хотя Асторию хотелось до безумия. Один запах девушки кружил голову. Член требовал освободить его из плена штанов. И Даниэль был с ним согласен.

Астория сдерживала дрожь, заставляя себя сосредоточиться на плане. Она чувствовала его дыхание на своей шее, слышала тихий шепот, полный похоти. Она должна выдержать, только немного, только до того момента, когда появится возможность действовать.

Девушка постанывала. Нетерпеливо покусывала губы. Закатывал глаза от наслаждения, когда мужчина находил эрогенную зону. Даниэлю до безумия нравилось открывать для себя тело жены. Трогать, гладить, слегка сминать. На его глазах девушках раскрывалась, показывая себя настоящую. Без масок. Юное тело трепетало в руках мужчины, подаваясь навстречу. Даниэль гладил внутреннюю часть бедер, намеренно не трогая сокровенное. Ему принадлежало тело, но не душа.

Несколькими неделями ранее.

Дорогие читатели!

Новинка от Майи Хоук

“В плену золотого дракона. Призванная родить”

<https://litnet.com/shrt/rGnE>

Выпущенная в рамках литмоба

Одно не вовремя загаданное желание встретить сильного мужчину, который будет страстно меня желать (да, да у меня было неудачное свидание), обернулось перемещением в другой мир.

Теперь передо мной ОН – дракон, ночь с которым способна подарить человечке настолько сильное наслаждение, что наутро ее скорей всего не добудятся.

И как быть, если все, что ему от меня нужно – это продолжение рода? Рассказывать сказки, надеясь на то, что это его усыпит или еще что-нибудь выдумать?

Глава 7

Несколькими неделями ранее.

- Ваше высочество доброе утро, - проговорила служанка раздвигая массивные шторы. Солнечный свет заполонил покои принцессы Астории. Девушка сладко потянулась в кровати, ощущая как улетают остатки сна.

Служанка подошла к туалетному столику и начала расставлять косметику.

- Сегодня важный день, ваше высочество, - сказала она, - приготовления к балу идут полным ходом. Наконец-то мы заключим мир с королевством севера, и многолетняя война закончится.

Девушка мечтательно улыбнулась, помогая своей госпоже накинуть халат на хрупкие плечи.

- Я очень на это надеюсь Алана, - принцесса подошла к зеркалу, оценивая свое отражение. На щеках играл румянец, длинные фиолетовые волосы водопадом спадали по изящной спине, а в золотых словной утренний восход солнца глазах плясали яркие искорки.

- Сколько жизней было потеряно из-за этой бессмысленной вражды... Десятилетиями наши народы проливали кровь друг друга, забыв, с чего все началось.

- Все это скоро закончится, ваше высочество, - мягко сказала Алана, ободряюще погладив принцессу по плечу. - Вла-

стититель Севера прибывает сегодня днем, и, я уверена, вы найдете общий язык.

"Интересно, каким он будет, этот король?" - подумала Астория, с легкой тревогой касаясь пальцами прохладного стекла. О мужчине ходило очень много разных слухов. И не все они были хорошими. Многие считали его жестоким и бесчувственным драконом, не знающим пощады. Его когти словно меч несли смерть всем неверным. Даниэль Армари был ночным кошмаром для жителей звездного королевства - Квитериосса.

Перемирие стало глотком свежего воздуха для двух народов. Только одно пугало. На каких условиях оно будет заключенно?

Астория вздохнула, отгоняя мрачные мысли. Какой бы не произошло, сегодня она должна быть безупречной. Не ради себя, а ради своего народа. Девушка видела достаточно страданий и потерь. Мир – вот что сейчас главное.

Алана приступила к созданию утреннего образа принцессы. Легкий тон, подчеркивающий природную бледность кожи, немного румян на щеках, чтобы добавить свежести, и акцент на глазах с помощью тонкой подводки. Образ дополняло пышное персиковое платье расшитое драгоценными камнями.

Волосы были аккуратно заплетены в сложную косу, украшенную жемчужными нитями.

Когда Астория была готова, девушка в сопровождении

служанки спустилась в тронный зал, где ее уже ждала мать - королева Лилиана.

В зале царил суета – слуги проверяли последние приготовления к приему короля Даниэля. Королева обернулась и с нежностью улыбнулась дочери.

- Ты выглядишь прекрасно, дитя мое, - сказала она, поправляя складки на платье Астории.

- Помни, сегодня ты – лицо нашего королевства. Прояви мудрость и сдержанность.

Астория кивнула, стараясь скрыть волнение.

Дорогие читатели!

Новинка от *Тайры Ли*

“Рабья владыки Самира”

<https://litnet.com/shrt/rGgg>

Выпущенная в рамках литмоба

Мой муж хотел власти и любимую женщину рядом. И это не я. Наш брак стал гарантом мира между нашими странами. Меня обвинили в измене и колдовстве и... казнили. Я вернулась в прошлое и возродилась. Теперь мое настоящее — разоренная страна, старые враги и... рабство, в которое я попала.

Глава 8

Внезапно двери распахнулись, и Герольд объявил о прибытии короля Даниэля Армари. Сердце Астории забилося быстрее. Она выпрямилась, собираясь с духом.

В зал вошел мужчина, совсем не похожий на чудовище из слухов. Высокий, статный, с длинными блондинистыми волосами и пронзительными изумрудными глазами, он скорее напоминал мраморную статую. В его взгляде не было жестокости, лишь холодная отстраненность.

Даниэль поклонился королеве Лилиане, а затем перевел взгляд на Асторию. В его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

- Принцесса Квитериосса, - произнес он, его голос был низким и бархатистым.

- Король Армари, - ответила Астория, стараясь сохранить спокойствие. Их взгляды встретились, и на мгновение время словно остановилось. Принцесса почувствовала легкий озноб, но сумела удержать на лице приветливую улыбку.

Даниэль медленно приблизился к девушке, его движения были исполнены сдержанной грации.

- Я слышал много легенд о красоте принцессы Квитериосса, но реальность превзошла все ожидания, - произнес он, и в его голосе прозвучало искреннее восхищение. Астория слегка покраснела, но не отвела взгляда. Она знала, что этот

комплимент - лишь часть игры, дипломатический манёвр.

- Ваша репутация, король Армари, опережает вас", - ответила девушка, ее голос звучал уверенно и ровно. - Очень многие говорят о вашей мудрости и силе, о том, как вы сумели укрепить ваше королевство.

Астория наблюдала за его реакцией, пытаясь прочесть его мысли.

Король улыбнулся краешком губ.

- Легенды редко бывают правдивы, принцесса. Правда всегда сложнее и интереснее. - Он жестом пригласил Асторию присесть, пожимая руку появившемуся в зале королю Квителиосса - Эрмалиосу.

- Добрый день Даниэль. Полагаю, нам есть о чем поговорить.

Переговоры начались в тот же день. За столом заседаний собрались правители двух королевств, их советники. Обсуждались условия перемирия, границы, торговые соглашения. Даниэль, вопреки ожиданиям, проявил себя как дальновидный и рассудительный политик.

Его требования были справедливы, лишены жажды наживы или мести. Астория с интересом наблюдала за ним, отмечая его острый ум и умение находить компромиссы.

Но принцесса не знала, что это была лишь хорошо натренированная маска, скрывающая настоящее чудовище.

Вечером, после утомительных переговоров, королева Лиана пригласила Даниэля на ужин в узком кругу.

Астория сидела рядом с ним, стараясь поддерживать светскую беседу. Она узнала о его любви к искусству, его страсти к охоте. За каждым словом, за каждой осторожной фразой чувствовалась глубина и сила.

После ужина Даниэль предложил Астории прогуляться по саду.\

- Ваше высочество составите мне компанию? У вас потрясающий сад, - мужчина протянул принцессе руку.

Глава 9

Астория, слегка поколебавшись, приняла его руку. Прохладный вечерний воздух приятно освежал кожу. Они шли по узким тропинкам, мимо благоухающих роз и диковинных растений.

Даниэль рассказывал о своем родном крае, о суровых северных пейзажах и величественных горах. В его словах чувствовалась любовь к своей земле, и Астория невольно залюбовалась им.

- Многие считают меня безжалостным, - вдруг произнес Даниэль, словно прочитав ее мысли. - Но жестокость - это лишь инструмент, необходимый для защиты моего народа и земли. К сожалению, не все в нашем мире можно решить словами.

Астория остановилась и посмотрела ему в глаза. В них она увидела не чудовище, а человека, обремененного властью и ответственностью.

- Я понимаю, - тихо ответила она. - И я надеюсь, что наше перемирие станет началом новой эпохи.

Даниэль улыбнулся, и эта улыбка преобразила его лицо, сделав его почти юным.

- Я тоже на это надеюсь, принцесса.

Они долго стояли в тишине, любуясь звездным небом. Астория чувствовала, как между ними возникает какое-то

необъяснимое притяжение, опасное и волнующее.

Девушка понимала, что должна быть осторожной, но ей было трудно сопротивляться обаянию этого загадочного человека.

Неожиданно Даниэль сорвал с куста алую розу и протянул ее Астории.

- Это вам, принцесса. В знак надежды на светлое будущее.
- Девушка приняла цветок, чувствуя, как ее щеки заливают румянец.

- Спасибо, король Даниэль. Я сохраню ее.

Вернувшись во дворец, Астория долго не могла заснуть. В голове крутились слова и взгляды Даниэля. Она понимала, что от исхода этих переговоров зависит судьба ее народа, и она должна быть сильной и мудрой. Но как оставаться беспристрастной, когда сердце подсказывало совсем другое?

На следующее утро переговоры продолжились. Девушка заметила, что Даниэль стал смотреть на нее с большей теплотой и интересом. Она понимала, что игра за власть и мир становится все более сложной, а ее роль в ней возможно ключевой.

Впереди был бал, на котором правители обоих королевств объявят своим подданным о принятом решении.

Астория провела несколько часов, выбирая наряд для бала. Девушка остановила свой выбор на пышном платье цвета ночного неба, расшитом серебряными нитями, которое подчеркивало ее стройную фигуру и фиолетовые волосы, уло-

женные в элегантную прическу

. Когда она вошла в балльный зал, все взгляды были прикованы к ней. Даниэль стоял у окна и с кем-то увлеченно разговаривал. Увидев Асторию, мужчина медленно направился к ней.

- Вы сегодня необыкновенно красивы, принцесса, - прошептал он, склонившись к ее уху. Девушка почувствовала, как по ее спине пробежал озноб.

Бал начался.

Дорогие читатели!

Новинка от *Элины Нерсюр*

“Властитель моей души”

<https://litnet.com/shrt/rG7K>

Выпущенная в рамках литмоба

Аннотация:

Вместо желанной свободы я получила рабские браслеты и мужчину, что владеет мной. Но он купил меня совсем не для того, о чем можно было подумать. Я нужна ему, чтобы провести расследование во дворце, ведь я вхожу туда, куда мужчина и смотреть не посмеет. Какие тайны я смогу узнать для него, и смогу ли добытыми сведениями купить себе освобождение? И... так ли оно мне нужно?

Глава 10

Бал начался.

Музыка заполнила зал, расплываясь мягким туманом под высокими сводами. Хрустальные люстры отражали свет, создавая иллюзию звездного неба, спустившегося на землю.

Дамы в роскошных платьях, словно экзотические цветы, распустились среди темных фраков кавалеров.

Вальс закружил первые пары в элегантном танце. Шелест шелка, тихий стук каблуков, приглушенные смешки - все сливалось в единую симфонию праздника.

В воздухе витали ароматы дорогих духов и свежих роз, перемешиваясь с терпким запахом старого дерева и воска.

В стороне, у колонны, стояла юная принцесса, робко наблюдая за танцующими. Ее сердце трепетало в предвкушении.

- Ваше высочество, не окажите ли мне честь украсть у вас первый танец? - раздался у нее за спиной глубокий голос. Астория обернулась и увидела Даниэля. В его глазах читалось неподдельное восхищение. Мужчина неотрывно следил за девушкой.

Она смущенно улыбнулась и протянула ему руку. Их пальцы соприкоснулись, и легкая дрожь пробежала по телу девушки. Пара закружились по залу под звуки скрипки. Даниэль уверенно вел ее, и Астория чувствовала себя невесомой в

его объятиях. Их взгляды встретились, и на мгновение принцесса забыла обо всем на свете. Она чувствовала его силу и уверенность, и в то же время – какую-то скрытую опасность.

После танца Даниэль провел Асторию к балкону, с которого открывался вид на ночной город. Они стояли в тишине, наслаждаясь прохладой и свежим воздухом.

– Этот бал – символ надежды, – тихо произнес Даниэль. – Надежды на то, что наши народы смогут жить в мире и согласии.

– Я тоже на это надеюсь, – ответила Астория. Внезапно Даниэль наклонился и поцеловал ее. Это был легкий, нежный поцелуй.

Астория ответила на поцелуй, забыв обо всем на свете. В этот момент на балкон вошла королева Лилиана. Увидев их, женщина нахмурилась и быстро подошла к ним.

– Астория, что здесь происходит? – строго спросила она. Девушка отстранилась от Даниэля и смущенно опустила глаза.

– Ничего, мама, – ответила она. – Мы просто любовались видом.

Лилиана окинула их обоих недоверчивым недовольным взглядом.

– Полагаю, вы помните о цели вашего визита, король Даниэль? Государственные интересы превыше личных симпатий.

Даниэль слегка поклонился.

– Разумеется, ваше величество. Мои чувства к принцессе никак не повлияют на принятие решений.

Астория почувствовала укол вины. Она знала, что мать права, но сердце не слушалось доводов разума.

– Нам пора вернуться в зал, – сказала Лилиана, взяв дочь под руку. – Сейчас будет объявлено о решении по поводу перемирия.

Глава 10.1

Тронный зал гудел от напряжения и предвкушения. Гости, собравшиеся на бал, затихли, когда герольд ударил жезлом о мраморный пол, призывая к вниманию.

Королева Лилиана и король Эрмалиос заняли свои места на возвышении, их лица были непроницаемы. Рядом с ними стоял Даниэль, его осанка оставалась безупречной, а взгляд — спокойным, но в глубине глаз Астория уловила легкий отблеск чего-то непостижимого. Она стояла чуть поодаль, стараясь унять дрожь в руках и сохранить подобающую принцессе сдержанность.

— Народ Квитериосса и гости из северных земель, — начала Лилиана, ее голос звучал твердо и ясно, разносясь по залу. — Сегодня мы собрались здесь, чтобы положить конец многолетней вражде. После долгих переговоров мы пришли к соглашению, которое принесет мир нашим королевствам.

Толпа одобрительно загудела, но Астория заметила, как некоторые советники переглянулись с едва скрываемой тревогой. Она перевела взгляд на Даниэля, пытаясь понять, что скрывается за его невозмутимой маской. Король Севера слегка кивнул Лилиане, словно подтверждая ее слова, и шагнул вперед.

— Королевство Севера согласно на перемирие, — произнес он, его низкий голос разрезал воздух, как клинок. — Мы

установим новые границы, откроем торговые пути и будем сотрудничать ради процветания обоих народов. Но есть одно условие, которое я выдвинул, и оно было принято.

Астория напряглась. Условие? Вчера на переговорах ничего подобного не упоминалось. Она бросила быстрый взгляд на мать, но лицо Лилианы оставалось бесстрастным, хотя в ее глазах мелькнула тень беспокойства.

— Чтобы скрепить наш союз и гарантировать его нерушимость, — продолжил Даниэль, поворачиваясь к Астории, — принцесса Астория станет моей женой и королевой Севера.

Зал взорвался шепотом и удивленными возгласами. Астория почувствовала, как земля уходит из-под ног. Ее сердце замерло, а затем забилося с удвоенной силой. Она посмотрела на мать, ища поддержки, но Лилиана лишь слегка опустила подбородок, словно подтверждая неизбежность происходящего. Эрмалиос, ее отец, сжал кулаки, но промолчал — видимо, решение уже было принято за закрытыми дверями.

— Это... это немыслимо, — прошептала Астория, но ее голос утонул в шуме толпы. Даниэль шагнул к ней, его глаза теперь не отрывались от ее лица.

— Это лучший путь к миру, принцесса, — тихо сказал он, так, чтобы слышала только она. — Ты же сама говорила, что ради своего народа готова на все.

Астория сжала губы, борясь с подступающими слезами. Она понимала логику этого решения: брак между правителями — древний способ укрепить союз. Но мысль о том, что

ее свобода, ее жизнь теперь принадлежат этому человеку, наполняя ее ужасом. Все его слова о мире, его мягкость в саду — была ли это лишь искусная игра, чтобы заманить ее в ловушку?

Лилиана подняла руку, призывая к тишине.

— Этот союз — жертва ради будущего, — сказала она, глядя на дочь с болью, которую не могла скрыть. — Астория, ты станешь мостом между нашими народами. Ты сильна, дитя мое, и я верю, что справишься с этой ношей.

Даниэль протянул руку Астории, ожидая ее согласия. Девушка замерла, чувствуя на себе сотни взглядов. Она могла отказаться, устроить сцену, но какой ценой? Война возобновится, и тысячи погибнут. Ради мира, ради своего народа... Она медленно вложила свою дрожащую ладонь в его руку, и толпа разразилась аплодисментами.

— Свадьба состоится через три дня, — объявил Даниэль, его голос звучал торжественно. — После этого принцесса отправится со мной на Север.

Астория едва слышала его слова. Ее разум кричал от ужаса, но она заставила себя улыбнуться, как подобает принцессе. Бал продолжился, музыка заиграла вновь, но для нее все звуки слились в глухой гул. Даниэль наклонился к ней, его дыхание коснулось ее уха.

— Ты сделала правильный выбор, — прошептал он. — Со временем ты поймешь, что это было неизбежно.

Она не ответила, лишь отвернулась, глядя в пустоту. Впе-

реди ее ждал новый мир, полный неизвестности и теней.

Три дня пролетели как в тумане. Астория едва замечала суету вокруг: слуги готовили свадебное платье, советники обсуждали детали отъезда, а мать пыталась найти слова утешения. Но внутри принцессы царила пустота. Она чувствовала себя птицей, чьи крылья подрезали, оставив лишь клетку из долга и страха.

Утром перед свадьбой Астория стояла у окна своих покоев, глядя на раскинувшиеся поля Квителиосса. Солнце поднималось над горизонтом, окрашивая небо в золотые и розовые тона. Это был ее последний рассвет дома. Она прижала ладонь к стеклу, словно пытаясь удержать этот момент.

— Ваше высочество, пора, — мягко сказала Алана, входя в комнату с подносом, на котором лежали украшения для церемонии. Служанка выглядела подавленной, ее привычная улыбка исчезла.

Астория кивнула и позволила Алане помочь ей надеть платье — пышное, белое, расшитое серебряными нитями. Оно было великолепным, но для нее оно стало саваном, символом конца ее прежней жизни. Когда служанка закончила укладывать фиолетовые волосы в сложную прическу, Астория посмотрела в зеркало. На нее смотрела незнакомка — бледная, с пустыми глазами.

Глава 11 Астория

Я стояла перед зеркалом, но отражение казалось чужим. Бледная кожа, пустые глаза, фиолетовые волосы, уложенные в сложную прическу, словно корона из терний, а не украшение. Платье, белое, как снег, расшитое серебряными нитями, сковывало меня, будто доспехи, которые я не хотела носить.

Алана молчала, ее руки дрожали, пока она поправляла последние складки. Я знала, что она хочет сказать что-то утешительное, но слова не находились — ни у нее, ни у меня. Этот день был неизбежен, как буря, что уже надвигалась на мою жизнь.

— Пора, ваше высочество, — тихо повторила Алана, и я кивнула, не в силах выдавить из себя ни звука. Мое сердце стучало так громко, что заглушало все мысли. Я повернулась и последовала за ней, каждый шаг отдавался эхом в пустоте внутри меня.

Мы вышли из покоев, и дворец, обычно такой родной, казался мне холодным и чужим. Слуги склоняли головы, избегая моего взгляда, словно боялись увидеть в моих глазах то, что я сама пыталась скрыть. Мы спустились к главному храму Квителиосса, где должна была пройти церемония. Когда двери распахнулись, я замерла, пораженная его красотой, несмотря на тяжесть в груди.

Храм был украшен цветами — белыми лилиями, алыми

розами и нежными фиалками, сплетенными в гирлянды, что свисали с высоких колонн. Солнечный свет струился через витражи, раскрашивая мраморный пол в золотые, зеленые и синие узоры. Воздух был пропитан сладким ароматом цветов, смешанным с горьковатым запахом воска от сотен свечей, горевших вдоль стен.

Алтарь утопал в лепестках, а над ним возвышался огромный купол, расписанный звездами — символ нашего народа. Но сегодня в центре алтаря стояла чаша из темного камня, окруженная рунами, что светились слабым багровым светом. Это было не просто бракосочетание — это был магический обряд, связывающий души навеки.

Я медленно двинулась вперед, чувствуя, как подол платья цепляется за лепестки, устилающие пол. Толпа расступилась, сотни глаз следили за мной, но я видела только его — Даниэля.

Он стоял у алтаря, высокий и статный, в черном камзоле с золотыми узорами. Его белые волосы были собраны, открывая резкие черты лица, а глаза — эти холодные, изумрудные омуты — смотрели на меня с непроницаемой уверенностью.

Он был красив, как статуя, высеченная из льда, но я знала, что под этой красотой скрывается что-то темное.

Жрец в белых одеждах, с длинной бородой, подошел к алтарю, держа в руках кинжал с рукоятью, украшенной черными камнями. Его голос звучал низко и торжественно, когда он начал церемонию:

— Сегодня мы скрепляем не только союз двух королевств, но и души двух избранных. Пусть их кровь станет печатью вечного договора, нерушимого ни временем, ни волей.

Я едва слушала его слова, мои глаза были прикованы к чаше. Даниэль шагнул ко мне, и жрец протянул ему кинжал. Он взял его без колебаний, его пальцы уверенно сжали рукоять. Одним быстрым движением он провел лезвием по своей ладони, и алая кровь закапала в чашу, смешиваясь с багровым свечением рун. Жрец кивнул мне, и я почувствовала, как горло сжимается от ужаса. Я не хотела этого, но выбора не было. Ради мира, ради Квителиосса.

Мои пальцы дрожали, когда я взяла кинжал из рук жреца. Холод металла обжигал кожу. Я закрыла глаза, собрала остатки мужества и провела лезвием по ладони.

Дорогие читатели!

Новинка от *Руты Данияровой*

“В объятиях врага”

<https://litnet.com/shrt/ui2Y>

Выпущенная в рамках литмоба

Аннотация:

Она поклялась отомстить врагу, но вместо этого оказалась в его темнице. Он должен ненавидеть, но желает ее душу и тело. Может ли расцвести любовь между теми, кто должен ненавидеть друг друга?

Глава 12 Астория

Боль пронзила меня, горячая струйка крови потекла вниз, капая в чашу. Когда наши крови смешались, руны вспыхнули ярче, и я почувствовала, как что-то невидимое, тяжелое, сдавило мою грудь. Это была не просто боль — это была связь, проникающая в самую глубину моей души.

Я ощутила его присутствие, холодное и властное, словно тень, что теперь всегда будет следовать за мной.

Жрец поднял чашу над головами, произнося древние слова на языке, которого я не понимала. Воздух задрожал, свечи мигнули, и на мгновение мне показалось, что звезды на куполе ожили, засияв ярче. Толпа затаила дыхание, а я почувствовала, как мои силы покидают меня.

Ритуал завершился, и жрец объявил:

— Отныне вы едины перед звездами и судьбой. Ваши души связаны кровью, и ничто не разорвет эту нить.

Даниэль повернулся ко мне, его рука легла на мою талию, твердой, властной хваткой притягивая меня ближе. Я подняла глаза, пытаюсь найти в его взгляде хоть каплю тепла, но там была только пустота.

Он наклонился, и толпа замерла в ожидании поцелуя, скрепляющего обряд. Его губы коснулись моих — сначала мягко, почти нежно, и на миг я подумала, что, возможно, ошиблась в нем.

Но затем он сжал мою талию сильнее, до боли, и поцелуй стал жестким, требовательным. Его пальцы впились в мою кожу через ткань платья, а губы раздавили мои с такой силой, что я едва сдержала стон. Это был не поцелуй любви, а знак владения, как клеймо, которое он ставил на мне перед всеми.

Связь наших душ вспыхнула в этот момент, и я почувствовала его — не только его тело, но его суть: холодную, жестокую, жаждущую контроля. Когда он отстранился, его глаза сверкнули, и он прошептал, так тихо, что услышала только я — Теперь ты моя, Астория, до конца времен. И если ты посмеешь перечить мне, я сломаю тебя так, что ты будешь молить о смерти. Эта связь — твоя клетка, и я держу от нее ключи. Запомни цена твоего неповиновения - Звездное королевство.

Его слова ударили меня, как ледяной ветер, пробирая до костей. Связь, что теперь жила между нами, пульсировала в моей груди, усиливая страх. Я чувствовала его силу, его волю, и понимала, что этот ритуал сделал меня не просто его женой, а его пленницей — не только телом, но и душой.

Улыбка, которую он тут же надел, была для толпы — обаятельная, торжественная, но я видела правду. Этот человек не был тем мудрым королем, что говорил о мире в саду. Передо мной стоял хищник, который заманил меня в ловушку, и теперь я была его добычей.

Толпа разразилась аплодисментами, не замечая, как дрожат мое тело. Даниэль взял меня за руку, его пальцы сжали

мое запястье, словно кандалы, и повел прочь от алтаря.

Цветы, свечи, витражи — все это расплывалось перед глазами, как сон, который я не могла покинуть.

Я знала, что этот поцелуй и этот обряд были лишь началом, и впереди меня ждет нечто куда более страшное, чем я могла себе представить.

Когда мы вышли из храма, солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в кроваво-красные тона. Он не просто взял меня в жены — он привязал мою душу к своей, и я понимала, что борьба за себя только начинается.

Я посмотрела на Даниэля, и в его взгляде его черных глаз мелькнула тень удовлетворения. Черных глаз? Стоп! Я была готова покаяться собственной жизнью, что раньше они были изумрудные, цвета спелой травы в которой мне хотелось тонуть.

Дорогие читатели!

Новинка от *Руты Данияровой*

“Последняя наложница пятого генерала”

<https://litnet.com/shrt/ui2P>

Выпущенная в рамках литмоба

Аннотация

Я открыла глаза в чужом теле и чужом мире. Теперь я - жрица павшего храма, вынужденная стать наложницей безжалостного генерала-дракона. Его глаза цвета грозового неба завораживают, а прикосновения обжигают кожу и душу. Он жесток и властен, каждое его слово - закон. Но

почему моё сердце трепещет, когда он рядом? Почему в момент его редких улыбок я забываю, что он - монстр? И главное - как не влюбиться в того, кто не способен любить?

Глава 13 Даниэль

Глава 13 Даниэль

Бальный зал Квитериосса был словно осколок неба, упавший в мир смертных.

Хрустальные люстры сверкали, будто пойманные звезды, отбрасывая золотые блики на полированный мрамор. Музыка текла мягкими волнами, обволакивая зал, как теплый ветер в горах моего Севера, а ароматы свежих роз, смешанные с горьковатым воском и тонкими нотами дорогих духов, кружили голову.

Я стоял у окна, холодное стекло под пальцами напоминало мне о доме — суровом, непреклонном, где нет места слабости.

Советник Эрмалиоса что-то говорил, его голос был назойливым жужжанием, но я не слушал. Мои мысли блуждали среди заснеженных пиков, где я оставил часть себя — ту, что еще могла дышать свободно, без этой проклятой тени проклятья.

И тогда я вновь увидел ее. Двери зала распахнулись с торжественным скрипом, и она вошла — Астория, принцесса Квитериосса.

Ее платье, цвета ночного неба, струилось, словно жидкая тьма, расшитая серебряными нитями, что ловили свет и превращали его в мерцающие звезды. Фиолетовые волосы, уло-

женные в изящную прическу, спадали локонами, будто водопад, озаренный лунным сиянием.

Она была воплощением красоты, о которой шептались даже в самых дальних уголках моего королевства, но не это заставило мое сердце сжаться в болезненном спазме.

Ее глаза — золотые, как рассвет над горными равнинами, — нашли мои. В них была сила, скрытая тревога, и что-то еще, чего я не мог понять.

Это был свет, которого я не знал, но очень сильно жаждал, и он жег меня изнутри.

Я шагнул к ней, не думая. Советник осекся на полуслове, но его присутствие растворилось в шуме зала. Я чувствовал, как тень внутри меня шевельнулась, насторожилась, но я заглушил ее. Пока.

— Вы сегодня необыкновенно красивы, принцесса, — прошептал я, наклонившись к ее уху. Ее кожа пахла цветами — лилиями, может быть, с легкой ноткой утренней росы, свежей и чистой.

Она вздрогнула, и я заметил, как по ее спине пробежала дрожь, тонкая, почти незаметная. Это не был страх — еще нет. Это была искра, и я хотел, чтобы она разгорелась. Хотел увидеть, как эти золотые глаза засияют не только тревогой, но и чем-то большим.

Когда заиграл вальс, я не стал медлить.

— Ваше высочество, не окажете ли мне честь украсть у вас первый танец? — спросил я, протягивая руку. Мой голос

дрогнул, выдавая больше, чем я хотел. Она улыбнулась — смущенно, но так искренне, что я почти поверил, что могу быть достоин этого.

Ее ладонь легла в мою, холодная, но живая, и легкая дрожь, пробежавшая по ее пальцам, отозвалась во мне эхом. Мы закружились по залу, и я вел ее с уверенностью, которой не чувствовал внутри. Она была невесомой в моих руках, ее платье шуршало, как ночной ветер, а аромат ее волос кружил голову.

Наши взгляды встретились, и на мгновение я забыл обо всем — о переговорах, о долге, о тени, что дремала в глубине моей души, готовая проснуться.

Она была светом, а я — мотыльком, летящим на пламя, зная, что обожжется.

После танца я повел ее к балкону. Прохлада ночи остудила мою кожу, но не пожар внутри. Мы говорили о надежде, о мире, и я видел, как она смотрит на меня — не как на чудовище из легенд, а как на человека.

Это было опасно, мучительно опасно. Я сорвал алую розу с куста, ее шипы укололи мне пальцы, и протянул ей, бормоча что-то о будущем. Но тень уже шевелилась, ее холодные когти сжимали мое сердце. Она чувствовала мою слабость к этой девушке, и это бесило ее. Она жаждала власти, а не света.

Когда я поцеловал Асторию на балконе, ее губы были мягкими, теплыми, и она ответила — неуверенно, но искренне.

Это был момент чистоты, которого я не заслуживал, и я утонул в нем, забыв о проклятии.

Но Лилиана прервала нас, и реальность обрушилась на меня, как ледяной поток. Переговоры, долг, тень — все это напомнило мне, кто я есть. И все же, глядя на Асторию, я знал: она станет моей. Не только ради мира, но потому что я хотел ее. И тень тоже хотела — но по-своему, темному, жестокому.

Глава 14 Даниэль

Глава 14 Даниэль

Ночь перед свадьбой была холодной, даже для Квитериоса. Я стоял в своих временных покоях во дворце, глядя в окно на раскинувшиеся поля, где последние лучи заката растворялись в черноте.

Проклятие, что жило во мне с детства, было даром и наказанием.

Черная тень, поселившаяся в моей душе после той ночи в горах, когда я искал силу, чтобы спасти свой народ, теперь отравляла меня. Она давала мне мощь, но забирала человечность. Я ненавидел ее, но не мог ей сопротивляться.

Завтра Астория станет моей, наши души свяжутся кровью, и я боялся этого больше, чем она могла представить.

Не за нее — за себя. Тень внутри меня становилась сильнее с каждым днем, ее шепот превращался в рычание, а я слабел. Она чувствовала приближение обряда, знала, что связь с Асторией даст ей новую силу, и жаждала этого.

Я сжал кулаки, ногти впились в ладони, оставляя красные полумесяцы. Мое дыхание было неровным, грудь сжималась, как будто кто-то невидимый душил меня.

— Ты не победишь меня, — прошептал я, глядя в зеркало. Мой голос дрожал от ярости и отчаяния. Но она засмеялась — низкий, ледяной смех, что эхом отдавался в моей голове,

заглушая все остальное.

Ты хочешь ее света, но я — твоя сила. Без меня ты ничто.

— Оставь меня, — прошептал я, закрыв глаза. — Я не дам тебе ее.

Но тень ответила — не шепотом, а ревом, что разорвал мой разум.

Ты не можешь мне противиться, Даниэль. Ты слаб. Она — твоя слабость, и я использую ее, чтобы стать сильнее.

Ее голос был как ветер в пропасти, ледяной и беспощадный, и я почувствовал, как он заполняет меня, вытесняя свет.

— Нет! — крикнул я, ударив кулаком по столу. Деревянная поверхность треснула, кубок с вином опрокинулся, и алая жидкость растеклась по столешнице, как кровь.

Мое сердце билось в словно птица в клетке, пот стекал по вискам, но я уже проигрывал. Тень поднималась, как черный туман, заволакивая сознание. Я пытался цепляться за себя — за воспоминания о матери, о горах, о том, как я хотел мира для своего народа.

Но она была сильнее.

Мои глаза широко раскрылись, и я увидел свое отражение в темном стекле окна. Изумруд исчез — мои зрачки стали черными, как уголь, бездонными, как сама смерть.

Я больше не был собой. Тень не просто взяла верх — она вытолкнула меня, заперла где-то в глубине моего собствен-

ного разума, и я стал пленником в своем теле.

Ее холодная, торжествующая радость разлилась по моим венам, и я почувствовал, как мои губы растянулись в жестокой ухмылке, которой я никогда не носил.

— Завтра она будет моей, — прорычал я, но это был не мой голос. Он был низким, грубым, полным злобы. — Я раздавлю ее свет, и она станет моей марионеткой.

Я шагнул к окну и ударил по стеклу. Оно разлетелось в мелкую пыль, осколки впились в мою руку, но я не чувствовал боли — тень наслаждалась ею.

Я смотрел на свои окровавленные пальцы и смеялся — сухим, хриплым смехом, от которого кровь стыла в жилах. Где-то в глубине я кричал, бился о стены своего разума, но она заглушила меня. Я был беспомощен, слаб, и она знала это.

— Ты хотел мира, Даниэль? — прошипел я сам себе, но это была она. — Мир — для слабаков. Я дам тебе силу, власть, и она будет моим инструментом. Завтра я покажу ей, кто настоящий хозяин.

Я отвернулся от окна, чувствуя, как тьма пропитывает каждую клетку моего тела. Мое сердце билось ровно, но холодно, как оболочка, лишенная души. Я подошел к зеркалу, и черные глаза смотрели на меня с презрением. Человека, которым я был, больше не существовало — остался только зверь, беспощадный и жестокий. Завтра я женюсь на Астории, но это будет не союз — это будет плен для нас обоих.

Дорогие читатели!

Новинка от Диана Озтюрк

“Орк И (не) Принцесса”

<https://litnet.com/shrt/uirx>

Выпущенная в рамках литмоба

Аннотация

Сходство с принцессой стало наказанием. Теперь вместо неё, я вынуждена стать женой беспощадного властителя орков и родить ему наследника, в противном случае меня убьют. Постигнет ли страшная участь или смогу покорить холодное сердце властителя? И действительно ли он настолько ужасен? Может, это всего лишь маска?

Глава 15

Глава 15

Свадебный банкет развернулся в вихре пышности и фальшивого веселья, но для Астории он стал продолжением ее личного ада. Зал утопал в роскоши: длинные столы, покрытые белоснежными скатертями, ломились от изысканных блюд — золотистые тушки жареных фазанов, украшенные пестрыми перьями, сочные фрукты в искрящейся сахарной глазури, пироги с хрустящей корочкой, от которых исходил теплый аромат корицы и меда.

Хрустальные бокалы звенели, наполняясь рубиновым вином, а музыка — нежные переливы скрипок и арфы — плела тонкую, почти осязаемую сеть, что казалась Астории насмешкой над ее разбитым сердцем.

Люстры, усыпанные сотнями свечей, отбрасывали дрожащие блики на мраморный пол, создавая иллюзию звездного неба, но для нее этот свет был холодным, мертвым, как зимняя ночь.

Она сидела рядом с Даниэлем, чувствуя его присутствие, словно ледяной ветер, что проникает под кожу и замораживает душу. Его черные глаза — не те изумрудные, что она помнила с бала, а черные, как бездонная пропасть, — то и дело скользили по ней, и каждый взгляд был как удар хлыста.

Ее тело напряглось, пальцы судорожно сжимали край ска-

терти, а горло пересохло, несмотря на вино, что стояло перед ней нетронутым.

Ароматы еды — сладкий мед, пряные травы, жареное мясо — смешивались в воздухе, но для Астории они были пустыми, безвкусными, как пепел.

Ее желудок скрутило от ужаса, а в груди пульсировала связь с Даниэлем — чужая, тяжелая, как цепь, что сковала ее душу.

Даниэль же казался в своей стихии, но в нем было что-то пугающе неестественное. Он поднимал кубок, его длинные пальцы с массивным перстнем блестели в свете свечей, и произносил тосты с холодной уверенностью, его голос звучал, как раскаты грома над горами.

Губы растягивались в улыбке, отточенной до совершенства, но она не доходила до глаз — тех черных зеркал, в которых отражалась только тьма. Астория заметила, как он сжимал нож с излишней силой, как его движения были резкими, почти рваными, словно внутри него боролось что-то, что он не мог — или не хотел — сдерживать.

Связь между ними дрожала, передавая ей его гнев, его жажду власти, и это заставляло ее сердце биться быстрее, а ладони покрываться холодным потом.

Когда пир подошел к концу, толпа начала редеть, и Ли-лиана подошла к дочери. Ее лицо, обычно такое строгое и величественное, было бледным, как лунный свет, а в глазах блестели слезы, которые она изо всех сил пыталась скрыть.

Она обняла Асторию, ее руки дрожали, а тепло материнских объятий на миг пробило ледяной панцирь, что сковал сердце девушки.

— Будь сильной, дитя мое, — прошептала Лилиана, ее голос надломился, и она коснулась щеки дочери, словно пытаясь запомнить ее черты. — Мы всегда будем с тобой, даже на расстоянии.

Астория хотела ответить, но горло сжалось, и она лишь кивнула, чувствуя, как слезы жгут глаза. Даниэль поднялся, его высокая фигура нависла над ними, как тень хищной птицы, и его голос, холодный и резкий, разрезал тишину:

— Пора отдыхать. Завтра будет долгий день.

К облегчению Астории, он не повел ее в свои покои. Слуги, молчаливые и бесстрастные, проводили их в разные комнаты — древняя традиция Квитериосса, чтобы молодожены провели первую ночь порознь.

Астория вошла в свою спальню, где мягкий свет свечей отражался от шелковых занавесок цвета слоновой кости, и закрыла дверь, прислонившись к ней спиной.

Ее колени подкосились, и она рухнула на кровать, не снимая тяжелого свадебного платья. Слезы, что она сдерживала весь день, хлынули бурным потоком, горячие и соленые, пропитывая подушку. Она зарылась в нее лицом, заглушая рыдания, что рвались из груди, как крики пойманной птицы. Связь с Даниэлем пульсировала в ее теле, как чужеродный яд, и она чувствовала его тьму, его гнев, даже через ка-

менные стены. Сон пришел к ней тяжелый и беспокойный, полный кошмаров, где черные глаза следили за ней из теней, а голос шептал о вечной клетке.

Дорогие читатели!

Новинка от Кристина Миляева

“Исповедь после распятия”

<https://litnet.com/shrt/ui99>

Выпущенная в рамках литмоба

Аннотация

Он хотел власти, а получил меня. Бесплезную рабыню, ценность которой лишь в короне. Теперь нам придется как-то выживать в стенах дворца, где кровавые руки королевы уже расставили ловушки. И главная из них — магическая метка на моей шее. Я беспрекословно выполняю любой его приказ, только какую же цену герой войны заплатит за моё послушание?

Глава 16

Глава 16

Утро ворвалось в комнату резким, грубым стуком в дверь, от которого Астория подскочила, словно от удара. Ее сердце заколотилось в груди, как пойманный зверь, и она судорожно вытерла заплаканное лицо, пытаясь привести себя в порядок. Но дверь распахнулась без предупреждения, и в комнату вошел Даниэль.

Его белые волосы были растрепаны, а черные глаза горели лихорадочным, почти безумным блеском. На нем был черный камзол, расстегнутый у ворота, открывая резкие линии ключиц, и его движения были резкими, почти звериными. Ухмылка, кривая и жестокая, играла на его губах, обнажая зубы, как у хищника перед прыжком.

— Доброе утро, женушка, — протянул он, его голос был низким, пропитанным издевкой, что резала слух, как скрежет металла. — Ты плохо выглядишь. Не выспалась в первую ночь своего нового статуса?

Астория сжала кулаки, ногти впились в ладони, оставляя красные следы. Она заставила себя выпрямиться, цепляясь за остатки гордости, что еще теплились в ее душе.

— Я в порядке, — ответила она тихо, но голос дрожал, выдавая ее страх. Даниэль шагнул к ней, его тень упала на нее, как черный плащ, и воздух в комнате стал густым, уду-

шающим.

Его взгляд упал на свадебное платье, небрежно брошенное на стул — ночью она сняла его, оставшись в тонкой сорочке, что едва прикрывала тело. Он взял платье, провел длинными пальцами по серебряным нитям, и его ухмылка стала шире, обнажая что-то темное и злое в его душе.

— Надень его, — приказал он, швырнув тяжелую ткань ей на колени с такой силой, что она чуть не упала. Его голос был как удар хлыста, резкий и безжалостный. — Я хочу видеть тебя в нем снова.

— Зачем? — вырвалось у нее, и она тут же пожалела о своем вопросе. Его глаза сузились до узких щелок, и он схватил ее за подбородок, его пальцы впились в кожу, заставляя ее задрать голову. Боль пронзила ее, и она задохнулась от ужаса.

— Потому что я так хочу, — прорычал он, его лицо было так близко, что она чувствовала жар его дыхания, пропитанного вином и чем-то резким, терпким, как еловый дым. — Ты моя, Астория. И ты будешь делать то, что я скажу. Надевай. Сейчас.

Ее руки дрожали, как осенние листья на ветру, но она подчинилась, чувствуя, как унижение сжигает ее изнутри, словно раскаленные угли. Платье, вчера такое великолепное, теперь казалось ей цепями, холодными и тяжелыми.

Она натянула его, каждый шорох ткани был как стон ее души, пока Даниэль наблюдал, скрестив руки на груди. Его

черные глаза упивались ее слабостью. Ее страхом, и он шагнул ближе, когда она закончила, его шаги гулко отдавались в тишине комнаты.

— Какая послушная, — прошептал он, наклоняясь к ней. Его дыхание обожгло ей щеку, и прежде чем она успела отстраниться, он схватил ее за шею, рывком притянув к себе. Его губы врезались в ее с дикой, насильственной силой, поцелуй был грубым, болезненным, как удар.

Зубы царапали ее губы, оставляя вкус крови, а язык вторгался в ее рот, не оставляя ей ни шанса на сопротивление. Астория попыталась оттолкнуть его, ее руки уперлись в его грудь. Он сжал ее горло, перекрывая воздух. Она задыхалась, пальцы вцепились в его запястье, царапая кожу, но он лишь сильнее сдавил, пока черные пятна не заплясали перед ее глазами, а легкие не закричали от нехватки кислорода.

— Ты моя, — прорычал он прямо в ее губы, его голос был хриплым, полным злобы и торжества. Наконец он отпустил ее, и Астория рухнула на кровать, кашляя и жадно хватая ртом воздух.

Ее горло горело, как будто по нему провели раскаленным железом, губы саднили, а во рту стоял металлический привкус крови. Она смотрела на него снизу вверх, ее золотые глаза пылали смесью ужаса и ненависти, но Даниэль лишь вытер рот тыльной стороной ладони, его черные глаза блестели от садистского удовлетворения.

— Пора идти, — сказал он, будто ничего не произошло,

его голос стал ровным, но в нем все еще звучала скрытая угроза. — Нас ждут на завтраке.

Глава 17

Глава 17

Они спустились в столовую, где уже были Лилиана и Эрмалиос.

Астория едва держалась на ногах, ее платье было мятым, на шее проступали багровые следы от пальцев Даниэля, как зловещий ошейник.

Лилиана побледнела, увидев дочь, ее руки дрогнули, едва не выронив чашку, а в глазах вспыхнул немой крик. Она бросила быстрый, полный отчаяния взгляд на мужа, но Эрмалиос лишь сжал челюсти, его кулаки побелели от напряжения под столом.

Он смотрел на Даниэля с такой яростью, что казалось, еще мгновение — и он бросится на него, но мир, ради которого они пожертвовали дочерью, держал его на месте, как невидимые цепи.

Завтрак прошел в гнетущей, почти осязаемой тишине. Стол был уставлен изысканными блюдами: теплый хлеб с хрустящей коркой, масло, тающее на языке, свежие ягоды, блестящие, как драгоценности, и тонкие ломтики копченого мяса.

Но Астория едва притронулась к еде, ее горло болело, каждый глоток был как нож, а душа кричала от бессилия и боли. Даниэль же ел с аппетитом, его движения были точны-

ми, почти театральными, и он бросал ей короткие, насмешливые взгляды, словно наслаждаясь ее молчанием и сломленным видом.

Его черные глаза сияли, как угли, и Астория чувствовала, как связь между ними дрожит от его мрачного ликования.

Когда трапеза закончилась, Лилиана подошла к дочери и обняла ее, на этот раз дольше, ее руки дрожали, а дыхание было прерывистым. Она прижала губы к уху Астории и шепнула, едва слышно:

— Мы найдем способ, Астория. Держись. Ты сильнее, чем он думает.

Слезы укололи глаза Астории, но она сдержала их, кивнув матери. Даниэль встал, его тень накрыла их обеих, как грозовая туча, и его голос, холодный и резкий, разорвал тишину:

— Пора прощаться. Север ждет свою королеву.

Астория с трудом отстранилась от матери, чувствуя, как ее сердце разрывается на куски. Она посмотрела на отца, его лицо было каменным, но в глазах плескалась боль, глубокая, как море. Он кивнул ей, коротко и резко, но этот жест был полон любви, которую он не мог выразить словами.

Даниэль взял ее за руку — его хватка была железной, пальцы впились в ее запястье, оставляя новые синяки, — и повел к выходу. Каждый шаг отдавался в ее теле, как удар молота, и она бросила последний взгляд на дворец: на высокие шпили, что пронзали небо, на поля Квителиосса, золотые и зеленые под утренним солнцем.

Экипаж ждал их у ворот — черный, как ночь, с резным гербом Севера на дверцах: оскаленный волк, вырезанный из темного дерева. Лошади, мощные и черные, нетерпеливо били копытами, их гривы развевались на ветру, а кучер в темном плаще молча кивнул Даниэлю. Астория села внутрь, ее ноги дрожали, а платье цеплялось за грубую обивку сидений. Даниэль забрался следом, захлопнул дверцу с оглушительным стуком, и экипаж тронулся, колеса загрохотали по каменной дороге.

Дорога в Северные земли была долгая, мрачная, усыпанная тенями сосен и острыми скалами, что вырисовывались на горизонте.

Астория смотрела в окно, ее пальцы сжимали край платья, а в груди пульсировала связь с Даниэлем, как напоминание о ее новой тюрьме. Она чувствовала его рядом — его холод, его тьму, его жажду власти, — и понимала, что теперь она не просто его жена, а его жертва, его трофей. Но где-то в глубине души, под слоем страха и боли, тлела искра — слабая, но живая.

Искра сопротивления, что еще не погасла, и Астория поклялась себе, что найдет способ разжечь ее в пламя.

Дорогие читатели!

Новинка от Мария Лео

“Рабыня-первокурсница”

<https://litnet.com/shrt/uiu6>

Выпущенная в рамках литмоба

Аннотация к книге "Рабьяня-первокурсница "

Каждый год по негласной традиции старшекурсники выбирают себе из первокурсниц личную рабыню. И меня выбрал самый худший из них — президент элитного студенческого клуба. Он богатый, наглый, красивый, а ещё откуда-то знает, что я поступила в академию по поддельным документам... И теперь, чтобы не вылететь отсюда, я должна не только делать за своего “хозяина” домашние задания, но и удовлетворять самые порочные его желания...

Глава 18

Экипаж пересек границу Северного королевства, и пейзаж за окном преобразился, словно мир скинул с себя теплую мантию Квитериосса и облачился в суровый плащ из серого камня и льда. Золотые поля сменились бескрайними равнинами, где ветер гнал клочья седого тумана, а затем горы поднялись перед глазами Астории, как древние стражи, чьи вершины, увенчанные снежными коронами, пронзали низкие облака, похожие на стаи серебряных драконов, застывших в полете.

Воздух стал резким, холодным, проникая сквозь щели в экипаже, и она плотнее закуталась в плащ, чувствуя, как мороз касается ее кожи, словно дыхание зимнего духа, шепчущего о ее новой судьбе.

Даниэль сидел напротив, его черные глаза, глубокие, как беззвездная ночь, были полузакрыты, но Астория знала — он не спит. Он следил за ней, как ястреб, выжидающий добычу, и его присутствие было тяжелым, как глыба льда, давящая на грудь.

Связь между ними, рожденная кровью и магией, пульсировала в ее теле, передавая ей его холодное торжество, его тьму, что теперь стала частью ее самой. Она отводила взгляд, цепляясь за ускользающие виды за окном, но его дыхание, его близость проникали в нее, как яд, и каждый скрип колес

отдавался в ее сердце, как стук молота по наковальне судьбы.

Когда солнце, багровое и усталое, начало клониться к горизонту, экипаж замедлил ход, и кучер хрипло крикнул, останавливая лошадей. Даниэль выпрямился, его движения были резкими, почти нечеловеческими, и он выглянул в окно, его белые волосы сверкнули в тусклом свете, как нити лунного серебра.

— Мы пересекли границу, — произнес он, его голос был сухим, как треск льда под ногами, и острым, как клинок. — Сделаем привал здесь.

Дверца экипажа распахнулась, и в лицо Астории ударил ветер, холодный и чистый, полный запахов хвои, мха и чего-то древнего, почти волшебного.

Она шагнула наружу, ее ноги, ослабевшие от долгого пути, дрогнули, и она чуть не упала, споткнувшись о камни, что усеивали землю, как осколки звезд. Но чья-то рука подхватила ее за локоть — сильная, но осторожная.

Астория подняла глаза и встретила взглядом с молодым стражником. Его лицо, обветренное северными ветрами, было открытым, с резкими чертами, обрамленными короткими каштановыми волосами, что вились на концах, словно осенние листья. Серые глаза, глубокие, как горные озера, смотрели на нее с тенью сочувствия, а на губах мелькнула улыбка — слабая, но теплая, как первый луч солнца после долгой ночи.

— Осторожнее, госпожа, — сказал он тихо, его голос был

мягким, с легким северным акцентом, что звенел, как шепот ветра в сосновых ветвях. — Камни здесь скользкие, как ледяные слезы гор.

Астория кивнула, благодарно сжав его руку, и выпрямилась. Его прикосновение было теплым, живым, и на миг она ощутила, как лед в ее груди треснул, пропуская слабый луч надежды.

— Спасибо, — прошептала она, ее голос дрожал. Он слегка поклонился, отступая назад, но его взгляд задержался на ней чуть дольше, чем требовала вежливость. Его темно-синий плащ с серебряной вышивкой герба Севера — оскаленного волка — развевался на ветру, а меч на поясе поблескивал, как осколок закатного света.

Даниэль вышел следом, его тень упала на нее, как черное крыло, и Астория почувствовала, как воздух сгустился. Его черные глаза сузились, и его губы искривились в едва заметной усмешке. Стражник отвел взгляд, отступив к лошадям, но напряжение в воздухе осталось, острое, как лезвие.

— Не задерживайся, — бросил Даниэль холодно, его голос резанул тишину, как удар кнута. — Иди за мной.

Они направились к месту привала, и Астория замерла, ее дыхание перехватило от открывшегося зрелища. Перед ней раскинулось поле, словно сотканное из снов древних фей.

Глава 19

Цветы, усыпавшие землю, не были простыми — их лепестки сияли мягким, неземным светом, переливаясь оттенками сапфира, аметиста и лунного серебра, будто вырезанные из осколков звездного неба. Они колыхались на ветру, издавая тонкий, мелодичный звон, как хрустальные колокольчики, и светились так ярко, что казались живыми существами, танцующими в сумерках

. В центре поля струился кристальный источник, его воды сверкали, как жидкий алмаз, переливаясь всеми цветами заката — золотом, розовым, пурпурным. Над поверхностью поднимался легкий пар, тонкий, как вуаль, окрашенный в мягкие тона, а воздух был пропитан сладковатым ароматом нектара, смешанным с магией — древней, чистой, почти осязаемой.

Каменные края источника поросли мхом, мягким, как бархат, а вокруг него вились крошечные светлячки, их крылья оставляли за собой шлейфы золотой пыли.

Астория невольно шагнула вперед, ее сердце сжалось от этой красоты, что была как глоток воздуха после удушья. Она протянула руку, коснувшись лепестков ближайшего цветка, и почувствовала, как тепло пробежало по ее пальцам, мягкое, успокаивающее, словно шепот давно забытой колыбельной. На миг она забыла о Даниэле, о цепях, что ско-

вали ее душу, о боли, что терзала ее тело.

Это место было сказкой, живым чудом, и оно напомнило ей о доме — о полях Квителиосса, о свободе, что теперь казалась далеким сном.

— Это магический источник, — раздался голос стражника позади нее. Она обернулась и увидела, что он стоит в нескольких шагах, держа поводья одной из лошадей, чья черная шерсть блестела.

— Мой народ зовет его Слезами Гор. Говорят, он исцеляет тех, кто чист душой, и дарит покой тем, кто его ищет.

— Слезы Гор, — повторила Астория тихо, ее голос дрогнул, как струна арфы. Она посмотрела на источник, чувствуя, как в груди зарождается слабая, но отчаянная надежда. — Он прекрасен... как сказка, которую рассказывают детям перед сном.

— Да, госпожа, — кивнул стражник, и его улыбка стала чуть шире, осветив его лицо, как луч солнца в зимний день. — Здесь магия жива. Она говорит с теми, кто умеет слушать.

Астория шагнула к нему, ее ноги запутались в подоле платья, и она споткнулась о скрытый под цветами камень. Ее тело накренилось вперед, к краю поля, где начиналась пропасть — отвесная скала, чьи зазубренные края чернели на фоне закатного неба.

Сердце ухнуло в пятки, ветер ударил в лицо, и она вскрикнула, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Но в тот же миг сильные руки обхватили ее талию, рывком притянув назад.

Она врезалась в грудь стражника, его теплое дыхание коснулось ее щеки, и она подняла глаза, встретив его взгляд — серый, полный тревоги и решимости.

— Держитесь, госпожа! — выдохнул он, его голос был хриплым от напряжения, а руки крепко сжимали ее, удерживая от падения. Ее сердце бешено колотилось, дыхание сбилось, и она вцепилась в его плащ, дрожа от близости смерти.

Пропасть была так близко — всего шаг, и она бы разбилась о камни внизу, освободившись от всего.

Даниэль, стоявший у костра, обернулся на звук ее крика. Его черные глаза вспыхнули, как угли, заметив, как стражник держит Асторию, как его руки обнимают ее талию. Его лицо исказилось в гримасе ярости, и он шагнул к ним, его движения были быстрыми, угрожающими, как поступь хищного зверя. Связь между ним и Асторией вспыхнула, передавая ей его гнев, его жажду контроля, и она невольно отшатнулась, все еще прижимаясь к стражнику.

— Отпусти ее, — прорычал Даниэль, его голос был низким, полным угрозы, как раскат грома в горах. — И держи свои руки при себе, если не хочешь остаться без них.

Стражник тут же отпустил Асторию, отступив назад, но его серые глаза мельком встретились с ее взглядом — в них была тревога и молчаливая поддержка. Он поклонился Даниэлю, его лицо стало непроницаемым, и он отошел к лошадям, оставив ее одну под взглядом мужа.

Даниэль подошел ближе, его тень накрыла ее, как черное

крыло, и он схватил ее за запястье, сжимая с такой силой, что она едва сдержала стон.

— Ты что, решила сбежать от меня в пропасть? — прошипел он, его черные глаза горели злобой. — Не смей даже думать об этом, Астория. Ты моя, и я не отпущу тебя ни живой, ни мертвой.

Глава 20

Астория задрожала под его взглядом, чувствуя, как его пальцы сжимают ее запястье, словно стальные кандалы. Его черные глаза буравили ее, полные ярости и чего-то темного, что она не могла назвать, но что заставляло ее сердце сжиматься от ужаса. Связь между ними пульсировала, передавая ей его гнев, как раскаленный поток, обжигающий ее изнутри.

Она судорожно вдохнула, пытаясь найти слова, чтобы смягчить его, чтобы защитить невинного человека, чья единственная вина была в том, что он спас ее.

— Я... я просто оступилась, — выдохнула она, ее голос дрожал, как тонкая нить, готовая порваться. — Это была случайность. Он не виноват, он только помог мне, чтобы я не упала. Прошу тебя, не трогай его.

Ее слова повисли в воздухе, слабые и отчаянные, но в глазах Даниэля не мелькнуло ни капли милосердия. Его губы искривились в жестокой усмешке, и он резко дернул ее за руку, заставляя сделать шаг ближе к нему.

Его дыхание было горячим, пропитанным злобой, и оно обожгло ее лицо, как ветер из раскаленной пустыни.

— Оступилась? — прорычал он, его голос стал громче, резче, как треск ломающегося льда. — Ты думаешь, я слепой? Я видел, как он лапал тебя, как посмел прикоснуться к тому, что принадлежит мне! Ты моя, Астория, и никто —

слышишь? — никто не смеет касаться тебя без моего разрешения!

— Это не так! — крикнула она, ее голос сорвался на высокий, дрожащий тон. Слезы жгли глаза, но она пыталась держаться, цепляясь за остатки своей воли. — Он спас меня! Я бы упала в пропасть, если бы не он! Прошу тебя, Даниэль, он не сделал ничего дурного!

Но ее мольбы только подлили масла в огонь его ярости. Лицо Даниэля исказилось, черные глаза вспыхнули, как угли в адском пламени, и он резко отпустил ее запястье, оттолкнув ее так, что она чуть не упала на цветы. Он повернулся к солдатам, что уже разводили костер, и его голос прогремел над поляной, холодный и беспощадный:

— Взять его! — указал он на стражника, что стоял у лошадей, его фигура замерла в напряженной неподвижности. — Этот щенок посмел прикоснуться к моей жене. Выпороть его! Прямо здесь, на ее глазах, чтобы она поняла, что бывает с теми, кто нарушает мои правила!

Стражник побледнел, но не издал ни звука, когда двое солдат схватили его за руки и потащили к центру поляны. Астория бросилась вперед, ее сердце заколотилось, как пойманная птица, и она схватила Даниэля за рукав, ее пальцы дрожали, вцепившись в ткань.

— Нет! — закричала она, слезы хлынули по ее щекам, горячие и неудержимые. — Не делай этого! Он не виноват! Это моя вина, я оступилась! Умоляю тебя, остановись!

Даниэль развернулся к ней с такой скоростью, что она отпрянула, но он схватил ее за подбородок, его пальцы впились в кожу с такой силой, что она вскрикнула от боли. Его черные глаза были близко, слишком близко, и в них полыхала буря, от которой ее душа сжалась в комок.

— Ты будешь смотреть, — прорычал он, его голос был низким, угрожающим, как рык зверя. — Ты будешь смотреть, как он платит за свою дерзость. И запомнишь, что твои мольбы ничего не значат, если я решил иначе.

Он силой повернул ее голову к центру поляны, где солдаты уже привязали стражника к стволу кривого дерева, чьи ветви чернели на фоне закатного неба. Его плащ сорвали, обнажив спину, и один из солдат поднял плеть — длинную, черную, с узлами, что блестели в свете костра, как змеиные зубы. Астория попыталась отвернуться, закрыть глаза, но Даниэль сжал ее подбородок сильнее, его пальцы оставляли багровые следы на ее коже.

— Смотри! — рявкнул он, и первый удар плети рассек воздух с резким свистом. Кожа стражника лопнула под ударом, кровь брызнула, а он стиснул зубы, сдерживая крик. Астория всхлипнула, ее тело затряслось, но Даниэль не отпускал ее, его хватка была железной.

— Нет... нет... — шептала она, слезы текли ручьем, заливая ее лицо, ее голос перешел в сдавленные рыдания. Каждый удар плети был как удар по ее собственной душе, каждый звук разрывал ее сердце. Она видела, как стражник на-

прягался, как его тело вздрагивало, но он не кричал, и это делало ее боль еще невыносимее.

Ее ноги подкосились, и она бы рухнула на землю, если бы Даниэль не держал ее.

После пятого удара ее нервы не выдержали. Истерика захлестнула ее, как буря, и она закричала, ее голос сорвался в высокий, надрывный вопль.

— Прекрати! Прекрати, умоляю! — Она билась в его руках, царапая его запястья, пытаясь вырваться, но он был сильнее. Ее крики смешались с рыданиями, тело сотрясилось, как в лихорадке, а перед глазами все расплывалось от слез. — Ты чудовище! Я ненавижу тебя!

Ух, эта глава далась мне очень тяжело.

Дорогие читательницы от всего сердца поздравляю вас с прекрасным женским днем. Желаю оставаться красивыми, нежными и любимыми!

Жду ваших комментариев и сердечно люблю

Глава 21

Даниэль резко отпустил ее подбородок, и она упала на колени, ее платье смялось в пыли и лепестках сияющих цветов. Он посмотрел на нее сверху вниз, его черные глаза были холодны, как лед, но в них мелькнула тень удовлетворения.

— Ненавидь сколько угодно, — сказал он тихо, его голос был пропитан ядом. — Это ничего не изменит. Ты моя, и все, кто посмеет встать между нами, заплатят.

Он махнул рукой солдатам, и те остановились, оставив стражника висеть на дереве, его спина была покрыта кровавыми полосами, а дыхание было тяжелым, прерывистым.

Астория закрыла лицо руками, ее рыдания сотрясали воздух, заглушая звон цветов и треск костра. Она не могла смотреть на стражника, не могла вынести его боли, его унижения, и чувство вины разрывало ее изнутри. Это она оступилась, это из-за нее он страдал, и она ничего не могла сделать, чтобы остановить это.

Даниэль отвернулся, его шаги загрохотали по земле, как поступь судьбы, и он бросил через плечо:

— Поднимите ее!

Асторию увели в палатку, ее ноги подгибались, как у сломанной куклы, а слезы продолжали стекать по щекам, оставляя соленые дорожки на бледной коже.

Внутри палатки было тесно и душно, несмотря на холод-

ный ветер, что завывал снаружи. Грубая ткань стен колыхалась, отбрасывая тени от костра, и эти тени плясали на ее лице, как призраки ее собственных кошмаров.

Солдаты оставили ее одну, бросив на пол меховой плащ, и ушли, закрыв за собой полог. Она рухнула на колени, ее платье, некогда белоснежное, теперь покрылось грязью и пятнами слез, а руки дрожали, сжимая край ткани, как будто это могло удержать ее от падения в бездну отчаяния.

Связь с Даниэлем пульсировала в ее груди, горячая и холодная одновременно, как раскаленный клинок, погруженный в лед. Она чувствовала его — его гнев, его удовлетворение, его тьму, что теперь была частью ее самой.

Каждый удар плети, каждый стон стражника отдавались в ее душе, как эхо, и чувство вины душило ее, сильнее, чем его рука на ее горле.

Она закрыла глаза, но перед ней возникали багровые полосы на спине стражника, его напряженное лицо, его молчаливая стойкость, и ее рыдания перешли в тихие, сдавленные всхлипы.

Полог палатки резко откинулся, и в проеме возник Даниэль. Его высокая фигура заполнила пространство, как тень, что поглощает свет. Его черные глаза блестели в тусклом свете, а на губах играла едва заметная усмешка — холодная, расчетливая, как у хищника, знающего, что добыча уже в его лапах.

Он шагнул внутрь, его шаги были тяжелыми, уверенными,

и воздух в палатке стал густым, почти удушающим.

— Перестань реветь, — сказал он, его голос был низким, но в нем не было ни капли сочувствия, только сталь и презрение. — Ты выглядишь жалко, Астория. Неужели ты думаешь, что твои слезы что-то изменят?

Она подняла голову, ее золотые глаза, затуманенные слезами, встретились с его взглядом. В ее груди боролись страх и гнев, но она заставила себя заговорить, хоть голос дрожал и срывался:

— Зачем... зачем ты это сделал? Он не заслужил... это я виновата...

Даниэль наклонился к ней, его лицо оказалось так близко, что она почувствовала жар его дыхания, пропитанного вином и злобой. Он схватил ее за подбородок, его пальцы впились в кожу, повторяя следы от утреннего насилия, и она невольно вскрикнула, но он не ослабил хватку.

— Ты виновата? — переспросил он, его голос стал тише, но от этого еще более угрожающим, как шепот змеи перед укусом. — О да, ты права. Это твоя вина, Астория. Ты оступилась, ты позволила ему прикоснуться к тебе, и теперь он заплатил за твою слабость. Запомни это. Каждый раз, когда ты будешь нарушать мои правила, кто-то другой будет страдать. И ты будешь смотреть, как это происходит, зная, что могла бы предотвратить это.

Ее сердце сжалось, как будто его сдавили ледяные когти. Она попыталась отвернуться, но он держал ее лицо, не поз-

воляя даже закрыть глаза.

— Ты не можешь... так поступать, — прошептала она, ее голос был слабым, почти умоляющим. — Это несправедливо...

— Справедливость? — Он рассмеялся, коротко и резко, и этот смех резанул ее, как нож. — В моем мире нет справедливости, есть только власть. И ты, моя дорогая женушка, теперь часть этого мира. Ты будешь подчиняться мне, или я найду новые способы напомнить тебе, кто здесь хозяин. Может, в следующий раз это будет не какой-то стражник, а твоя милая служанка... как ее зовут? Алана?

Дорогие читатели!

Новинка от *Евгения Медведская*

“Принцесса-попаданка в рабстве дракона”

<https://litnet.com/shrt/uV8V>

Выпущенная в рамках литмоба

Аннотация:

Меня призвали в тело принцессы, чтобы она не досталась дракону-захватчику.

У этой негодяйки теперь будет спокойная жизнь в моем мире и моем теле! Меня же лишили дара и продали в рабство, чтобы стереть с лица земли. Так наследники дракона никогда не получают королевскую магию и законные права на трон.

План сработал не полностью - дракон все же нашел меня.

Теперь я его рабыня.

*Но я буду бороться за свою свободу и отомщу тем, кто
сделал меня разменной монетой!*

*Ведь есть то, о чем он не знает: сбегаю из собственного
тела, принцесса во многом просчиталась.*

Глава 22

Астория задохнулась, ее глаза расширились от ужаса. Упоминание Аланы, ее доброй, преданной Аланы, было как удар под дых. Она представила ее лицо, ее мягкую улыбку, и мысль о том, что Даниэль может причинить ей боль, разорвала остатки ее самообладания.

— Нет! — выкрикнула она, ее голос сорвался в отчаянный вопль. — Не трогай ее! Я сделаю все, что ты хочешь, только не трогай их!

Даниэль выпрямился, его ухмылка стала шире, и он отпустил ее подбородок, оставив на коже новые багровые следы. Он смотрел на нее сверху вниз, как на пойманного зверька, что бьется в клетке, и его черные глаза блестели от садистского удовольствия.

— Вот и хорошо, — сказал он, его голос стал мягче, но в этой мягкости была угроза, как в шелковом шнурке, что может задушить. — Ты начинаешь понимать. Этот маленький урок был для твоего же блага, Астория. Теперь ты знаешь, что твои ошибки имеют цену, и эта цена будет расти, если ты не научишься держать себя в руках. Я не потерплю неповиновения — ни от тебя, ни от кого-либо другого.

Он подошел к сундуку в углу палатки, достал оттуда кубок и флягу с вином, налил себе и сделал глоток, не сводя с нее глаз. Его движения были спокойными, почти ленивыми, но в

них чувствовалась уверенность человека, который знает, что полностью владеет ситуацией.

— Сегодняшний случай с этим стражником, — продолжил он, ставя кубок на стол, — станет тебе напоминанием. Каждый раз, когда ты захочешь послушаться меня, вспомни его кровь, его боль. Вспомни, как ты стояла здесь и ничего не могла сделать. Это твоя слабость, Астория, и я буду использовать ее, чтобы держать тебя на поводке.

Она сжалась на полу, ее руки обхватили колени, и она опустила голову, чувствуя, как его слова вонзаются в нее как кинжалы. Связь между ними дрожала, передавая ей его холодное торжество, и она поняла, что он прав — он нашел ее слабость.

Ее любовь к другим, ее чувство вины, ее желание защитить тех, кто ей дорог, стали его оружием. И он будет использовать это снова и снова, пока она не сломается окончательно.

— Встань, — приказал он, и его голос стал резче. — Приведи себя в порядок. Завтра мы продолжаем путь, и я не хочу, чтобы моя королева выглядела как нищенка. Ты должна быть достойна меня, даже если внутри ты разваливаешься.

Астория медленно поднялась, ее ноги дрожали, а платье висело на ней, как мокрый саван. Она вытерла лицо рукавом, пытаясь унять слезы, но они продолжали течь, тихие и неостановимые. Даниэль подошел к ней, его пальцы скользнули по ее щеке, стирая влагу, но это прикосновение было

не ласковым, а властным, как будто он стирал следы ее слабости, чтобы заменить их своей волей.

— Ты моя, Астория, — прошептал он, наклоняясь к ее уху, его голос был мягким, но в нем звучала угроза. — И я сделаю так, что ты никогда не забудешь этого.

Ее дыхание прервалось, и она посмотрела на него, ее золотые глаза были полны ужаса и ненависти. Он улыбнулся, увидев этот взгляд, и отступил, довольный своей победой.

— Спокойной ночи, женушка, — сказал он, развернулся и вышел из палатки, оставив ее одну в полумраке.

Астория рухнула на меховой плащ, ее тело сотрясилось от беззвучных рыданий. Она чувствовала себя пойманной в ловушку, где каждый ее шаг мог привести к новой боли — не для нее, а для тех, кого она любила.

Глава 23 Астория

Я проснулась от звука, что пробился сквозь тяжелый сон, полный теней и криков. Сначала мне показалось, что это ветер, завывающий среди скал, но затем я услышала его снова — слабый, сдавленный стон, полный боли.

Мое сердце сжалось, и я резко села, меховой плащ соскользнул с плеч, обнажая кожу, что тут же покрылась мурашками от ночного холода. В палатке было темно, только слабые отблески костра проникали сквозь щели в ткани, рисуя на полу дрожащие узоры.

Связь с Даниэлем пульсировала в моей груди, но она была приглушенной — он спал, его тьма затаилась, как зверь в засаде, и я почувствовала мимолетное облегчение.

Стон повторился, тихий, но такой острый, что он резал меня, как нож. Я знала, кто это. Образ стражника — его окровавленной спины, его стиснутых зубов — вспыхнул перед глазами, и вина, что терзала меня весь вечер, снова сдавила горло.

Я не могла остаться здесь, не могла притворяться, что ничего не слышу. Мое тело двигалось само, почти против воли — я встала, накинула плащ поверх мягкого платья и осторожно откинула полог палатки.

Ночь встретила меня холодом и тишиной, нарушаемой лишь треском угасающего костра и далеким воем ветра в

горах. Небо над головой было усыпано звездами, яркими и острыми, как осколки льда, и их свет отражался в кристальных водах источника, что сиял в центре поляны, словно чаша, полная жидкого серебра.

Цветы вокруг него мерцали, их лепестки переливались сапфировыми и аметистовыми оттенками, и их слабый звон смешивался с ночными звуками, создавая мелодию, что казалась мне колыбельной из другого мира.

Это было красиво — так красиво, что на миг я забыла о боли, о страхе, о том, что моя жизнь теперь принадлежит чудовищу.

Но затем я услышала его снова — стон, слабый и хриплый, доносящийся откуда-то слева. Я повернулась и увидела его. Стражник лежал на земле у подножия кривого дерева, к которому его привязывали.

Его тело было укрыто лишь его же темно-синим плащом, брошенным небрежно, как тряпка, и я заметила, как ткань пропиталась темными пятнами крови.

Его лицо было бледным, почти белым в свете звезд, а глаза закрыты, но губы дрожали, выдавая боль, что он пытался скрыть даже во сне.

Я шагнула ближе, и мой взгляд упал на его спину, когда ветер слегка приподнял край плаща.

Кровоточащие раны — глубокие, рваные полосы — открылись передо мной, как страшная картина. Кровь сочилась из них, густая и темная, смешиваясь с грязью и пылью,

и я замерла, чувствуя, как ужас накатывает на меня волной. Эти раны были живыми, пульсирующими, и каждая из них кричала о моей вине.

Я видела, как кожа вокруг них воспалена, как кровь медленно стекает вниз, оставляя черные дорожки, и мой желудок сжался, а горло перехватило от тошноты. Это было слишком — слишком жестоко, слишком реально. Я прижала руку к губам, чтобы сдержать крик, но слезы снова хлынули из глаз, горячие и неудержимые.

Это моя вина. Он страдал из-за меня, из-за моей неосторожности, из-за того, что я не смогла остановить Даниэля. Мои ноги дрожали, но я заставила себя опуститься на колени рядом с ним, мои руки замерли над его телом, не решаясь коснуться.

Его дыхание было неровным, прерывистым, и каждый выдох сопровождался слабым стоном, что разрывал мне душу.

Я знала, что могу помочь. Светлая магия текла в моей крови — дар, что передался мне от матери, дар, что я скрывала даже от себя самой, боясь его силы.

В Квитериоссе я использовала ее редко, только чтобы исцелить мелкие царапины или успокоить боль, но здесь, в этом мраке, она была моим единственным светом. Я закрыла глаза, глубоко вдохнула холодный воздух, пропитанный ароматом цветов и хвои, и сосредоточилась. Мои ладони начали теплеть, слабое золотое сияние заструилось между пальцев, как солнечные лучи, пробивающиеся сквозь облака.

Глава 24 Астория

— Прости меня, — прошептала я, и мой голос дрогнул, как лист на ветру. Я осторожно положила руки на его спину, поверх плаща, чувствуя, как магия оживает, мягкая и живая, как дыхание весны.

Золотой свет усилился, просачиваясь сквозь ткань, и я направила его к его ранам, представляя, как он смывает кровь, сшивает разорванную кожу, возвращает жизнь туда, где царил только мука.

Его тело напряглось под моими руками, он издал слабый стон, но я не остановилась, чувствуя, как тепло разливается по его спине, как кровь перестает течь, как раны затягиваются, оставляя лишь тонкие, бледные шрамы.

Мои силы уходили быстро — я не привыкла к таким глубоким исцелениям, и голова закружилась, но я стиснула зубы, продолжая, пока не убедилась, что он вне опасности.

Когда я наконец убрала руки, свет погас, и я тяжело выдохнула, мои плечи опустились от усталости. Его дыхание стало ровнее, спокойнее, и он больше не стонал — он спал, его лицо разгладилось, утратив тень боли.

Я откинула край плаща, чтобы убедиться, что раны исчезли, и облегчение волной накрыло меня. Его спина была чистой, лишь тонкие линии шрамов напоминали о том, что произошло.

Но он пошевелился, его веки дрогнули, и я замерла, когда его серые глаза открылись, мутные от сна и боли, но живые. Он посмотрел на меня, и я увидела в них удивление, смешанное с чем-то теплым, что я не могла назвать.

— Госпожа... — прохрипел он, его голос был слабым, но в нем не было страха, только усталость. Он попытался приподняться, но я мягко коснулась его плеча, удерживая на месте.

— Не двигайся, — сказала я тихо, мои слова дрожали от слез, что все еще текли по щекам. — Прости меня... это из-за меня ты пострадал. Я не хотела... я не смогла остановить его. Прости...

Он покачал головой, его взгляд стал яснее, и он с трудом приподнялся на локте, глядя на меня с неожиданной твердостью.

— Не извиняйтесь, госпожа, — сказал он, его голос окреп, хоть и оставался хриплым. — Это я виноват. Я знал, чем рискую, когда схватил вас. Я должен был быть осторожнее. Это не ваша вина.

Я всхлипнула, качая головой, мои руки сжались в кулаки.

— Нет, это Даниэль... он чудовище. Он сделал это, чтобы сломать меня, чтобы показать свою власть. Ты не должен был страдать из-за его жестокости.

Стражник посмотрел на меня, его серые глаза были глубокими, как горные озера, и в них мелькнула тень чего-то, что я не могла понять — сожаления, может быть. Он вздохнул, опуская взгляд на землю, и его голос стал тише, почти

шепотом.

— Король... он вынужден быть таким. Он герой Севера, госпожа. Все королевство прославляет его — за его победы, за его силу. Он вытащил нас из пепла ада, дал нам надежду, когда ее не было. Но цена этой силы... она велика. Вы скоро все поймете.

Я нахмурилась, его слова задели что-то в моей душе, но оставили больше вопросов, чем ответов.

— Что пойму? — спросила я, мой голос дрогнул от смеси надежды и страха. — Что ты имеешь в виду? Скажи мне!

Он покачал головой, его губы сжались в тонкую линию, и он отвел взгляд, словно боялся сказать слишком много.

— Не сейчас, госпожа. Просто... держитесь. Вы сильнее, чем думаете. И он... он не всегда был таким.

Я хотела спросить еще, но он закрыл глаза, его силы иссякли, и он снова опустился на землю, его дыхание стало ровным. Я укрыла его плащом, мои пальцы дрожали, а в голове крутились его слова.

Вынужден быть таким? Герой? Что-то в этом не укладывалось в образ чудовища, что я видела в Даниэле, но я чувствовала, что стражник знает больше, чем говорит.

Я поднялась, мои ноги дрожали от усталости и страха, и бросила последний взгляд на него.

— Выздоровливай. Ради меня верный рыцарь, — шепнула я в темноту, и его грудь поднялась ровно, как будто он услышал.

Я вернулась в палатку, каждый шаг давался с трудом, как будто я тащила за собой невидимые цепи. Внутри было тихо, только тяжелое дыхание Даниэля разрезало тишину.

Он лежал на своем ложе, его белые волосы разметались по подушке, а черные глаза были закрыты, но даже во сне его лицо оставалось суровым, властным. Связь между нами шевельнулась, как змея, что чувствует мою близость, и я замерла, боясь, что он проснется. Но он лишь слегка нахмурился, пробормотав что-то неразборчивое, и я выдохнула, опустившись на свой меховой плащ.

Я легла, свернувшись в комок, и закрыла глаза, но сон не шел. Передо мной снова возникли кровоточащие раны стражника, его бледное лицо, его боль, и ужас, что я испытала, глядя на них, вернулся, холодный и липкий.

Я исцелила его, но не могла исцелить себя — не от вины, не от страха, не от тьмы, что теперь жила во мне через эту проклятую связь.

Даниэль спал рядом, его присутствие давило, как каменная плита, и я знала, что он найдет способ использовать даже этот мой поступок против меня. Но слова стражника — «Вы скоро все поймете» — эхом звучали в моей голове, и я цеплялась за них, как за слабую нить надежды. Что-то было скрыто в Даниэле, что-то, чего я еще не знала, и я поклялась себе, что разгадаю эту тайну, даже если это будет стоить мне всего.

Глава 25 Даниэль

Тень отступила внезапно, как буря, что исчерпала свою ярость и растворилась в тишине. Это было похоже на пробуждение после долгого падения в бездну — резкий вдох, холодный воздух, врывающийся в легкие, и ощущение собственного тела, вернувшегося ко мне, как старый плащ, что я сбросил и теперь снова накинул на плечи.

Мои руки дрожали, пальцы сжимались и разжимались, словно проверяя, мои ли они, а сердце колотилось в груди, как пойманный зверь, наконец-то вырвавшийся из клетки

Я открыл глаза, и мир вокруг обрел четкость — не ту мутную, черную пелену, сквозь которую тень смотрела на все моими глазами, а ясную, живую картину.

Палатка была тесной, пропитанной запахом меха, смолы от костра и слабым ароматом цветов, что росли снаружи. Свет звезд проникал сквозь щели в ткани, рисуя на полу тонкие серебряные нити, а тишина ночи нарушалась лишь треском угасающего огня да далеким воем ветра в горах.

Я лежал на своем ложе, волосы прилипли к вискам от пота, а грудь поднималась тяжело, как после битвы. Но это была не битва с врагом из плоти и крови — это была борьба с самим собой, с той тьмой, что жила во мне с тех пор, как я заключил сделку в горах, ища силы, чтобы спасти свой народ.

Я помнил все. Каждый момент, каждый удар плети, каждый крик Астории, что резал меня, как клинок, даже когда я не мог остановить это.

Тень взяла верх, вытеснила меня из моего собственного разума, и я стал зрителем в своем теле, беспомощным, кричащим в пустоте, пока она играла свою жестокую игру.

Я видел, как стражник падал под ударами, как кровь текла по его спине, как Астория рыдала, умоляя меня остановиться. Я чувствовал ее ужас, ее ненависть через связь, что сковала нас кровью, и это было хуже любой боли, что я когда-либо испытывал.

Она ненавидела не меня — она ненавидела тень, но я не мог объяснить ей этого, не мог даже шевельнуть пальцем, пока тьма правила мной.

Мой взгляд упал на нее. Астория лежала на меховом плаще, свернувшись в комок, как раненый зверек, что ищет укрытия от хищника. Ее платье, некогда белое и великолепное, было мятым, испачканным грязью и слезами, а фиолетовые волосы растрепались, обрамляя ее бледное лицо, как темное облако. Она дышала неровно, ее грудь вздымалась в такт тихим всхлипам, что вырывались во сне — отголоски того кошмара, что я ей подарил.

Мое сердце сжалось, как будто его стиснули ледяные когти, но это была не тень — это была моя собственная вина, моя боль, что я не смог защитить ее от себя.

Я сел, медленно, боясь разбудить ее, боясь увидеть в ее

глазах тот ужас, что я видел днем. Мои руки дрожали, когда я провел ими по лицу, стирая пот и пытаясь собрать осколки себя. Изумруд вернулся в мои глаза — я чувствовал это, как возвращение света после долгой ночи. Тень отступила, оставив меня слабым, но живым, и я знал, что это временно.

Она вернется, она всегда возвращается, но сейчас у меня был этот миг — миг, чтобы быть человеком, а не чудовищем.

Астория шевельнулась, ее веки дрогнули, и я замер, мое дыхание затаилось в груди. Она открыла глаза — золотые, как рассвет, что я так любил в детстве, когда мир еще не был пропитан кровью и тьмой. В них было смятение, усталость, но не страх — не сразу. Она смотрела на меня, и я видел, как ее взгляд цепляется за мои глаза, изумрудные, теплые, а не черные, как бездна.

Ее губы приоткрылись, но она не успела ничего сказать — я наклонился к ней, ведомый порывом, что я не мог сдержать.

Глава 26 Даниэль

Мои губы коснулись ее — мягко, почти невесомо, как шепот ветра в горах. Это был не тот поцелуй, что тень навязала ей утром, грубый и властный, а нежный, полный сожаления и чего-то, что я боялся назвать.

Ее дыхание дрогнуло, и на миг она замерла, но затем ответила — слабо, неуверенно, как будто проверяла, реально ли это. Ее губы были солеными от слез, теплыми от жизни, и я утонул в этом ощущении, чувствуя, как связь между нами дрожит, но не от гнева, а от чего-то живого, что я давно потерял.

Я отстранился, мои руки все еще лежали на ее щеках, пальцы дрожали, касаясь ее кожи, и я прошептал, глядя в ее глаза:

— Это сон, Астория. Просто сон.

Мой голос был хриплым, но мягким, как будто я пытался убедить не только ее, но и себя. Я не мог рассказать ей правду — не сейчас, не когда тень могла вернуться в любой момент.

Пусть хоть на миг поверит, что я не чудовище.

Ее глаза затуманились, она кивнула, слабо, как будто хотела поверить, но не могла до конца. Я убрал руки, чувствуя, как тепло ее кожи уходит из-под моих пальцев, и встал, мои ноги дрожали, но я заставил себя двигаться.

Мне нужно было уйти, уйти от нее. От этого взгляда, что

резал меня глубже, чем любой клинок.

Я откинул полог палатки и вышел. Холод ударил в лицо, как пощечина, но я приветствовал его — он остужал пожар в моей груди, гнал прочь мысли, что роились в голове.

Звезды сияли над головой, острые и безжалостные, как свидетели моей слабости, а поле цветов мерцало внизу, их свет отражался в моих глазах, изумрудных, но уже тронутых тенью, что затаилась в глубине.

Я отошел к краю поляны, где ветер гнал клочья тумана, и опустился на колени, мои руки вцепились в землю, холодную и твердую. Я помнил все — каждый удар, каждый ее крик, каждый момент, когда я был марионеткой в руках тьмы. Мое дыхание вырывалось облачками пара, а грудь сжималась от боли, что я не мог выпустить наружу.

— Прости меня, Астория, — прошептал я в темноту, мой голос растворился в вое ветра. — Я не хотел этого. Я не хотел быть таким.

Но слова были пустыми — тень вернется, и я снова потеряю себя. Я сжал кулаки, ногти впились в ладони, оставляя кровавые следы, и посмотрел на свои руки, дрожащие, как у слабого ребенка, а не короля Севера.

Она была моим светом, моим спасением, но я был ее проклятием, и эта мысль разрывала меня на части.

Я поднялся, чувствуя, как ветер хлещет по лицу, и бросил последний взгляд на палатку, где спала Астория. Ее силуэт был едва виден сквозь ткань, хрупкий и одинокий, и я

покаялся себе, что найду способ победить тень — ради нее, ради нас обоих. Но сейчас я мог только уйти, оставив ее в этом обманчивом сне, где я был человеком, а не зверем.

Глава 27: Астория

Утро пришло тихо, как вор, прокравшийся в палатку на мягких лапах. Я проснулась от слабого света, что пробивался сквозь ткань, окрашивая внутренности палатки в бледно-золотые тона. Мое тело было тяжелым, как будто кто-то всю ночь придавливал меня камнями, а глаза саднили от слез, что высохли на щеках, оставив соленые дорожки. Я лежала, свернувшись под меховым плащом, и несколько мгновений просто дышала, пытаюсь понять, где я и что со мной.

Сон еще цеплялся за меня, его обрывки кружились в голове, как осенние листья на ветру.

Я помнила тепло его рук, мягкость его губ, его голос, шепчущий: "Это сон, Астория. Просто сон. iLh7F-Yx" Даниэль — не тот, что душил меня утром, не тот, что смотрел на меня черными глазами, полными тьмы, а другой, с изумрудным взглядом, теплым, как летний лес.

Это было так реально — его прикосновение, его слова, — что я почти поверила ему. Но потом я вспомнила стражника, кровь, крики, и реальность обрушилась на меня, как холодная волна, смывая остатки иллюзий.

Я села, мех сполз с плеч, и холодный воздух тут же пробрался под тонкую ткань платья, заставив меня задрожать. Палатка была пуста — Даниэля не было, его ложе смято, но холодное, как будто он ушел давно.

Мое сердце сжалось, смесь облегчения и тревоги закрутилась в груди. Где он? Что это было ночью — сон или правда? Я провела рукой по губам, словно пытаюсь найти след того поцелуя, но там был только привкус соли и боли.

Я поднялась, мои ноги дрожали, как у новорожденного оленя, и подошла к пологу, осторожно откинув его. Утро было ясным, но холодным — солнце только поднялось над горами, его лучи скользили по заснеженным вершинам, окрашивая их в золотой и розовый свет. Поле цветов все еще сияло, хотя их свет стал слабее в дневном сиянии, а кристальный источник искрился, как зеркало, отражая небо. Воздух пах хвоей, морозом и чем-то сладким, что поднималось от цветов, и я вдохнула его, пытаюсь прогнать тяжесть из груди.

Мой взгляд упал на лагерь. Солдаты уже суетились, разводя костер, проверяя лошадей, их голоса были приглушенными, как будто они боялись нарушить тишину утра.

Стражник — тот, что пострадал вчера, — сидел у дерева, его спина была прикрыта плащом, но он выглядел лучше, чем я ожидала. Он ел кусок хлеба, его движения были медленными, но уверенными, и я почувствовала слабое облегчение. Моя магия сработала — он жив, он дышит, и, может быть, он не проклинает меня за то, что случилось.

А потом я увидела Даниэля. Он стоял у края поляны, спиной ко мне, его высокая фигура выделялась на фоне гор, как черный силуэт на золотом холсте. Его белые волосы развевались на ветру. Он смотрел куда-то вдаль, его руки были

сжаты в кулаки, и я заметила, как напряжены его плечи, как будто он несет на них невидимый груз. Он не двигался, не говорил, просто стоял, и это молчание было громче любого крика.

Я шагнула ближе, мои ноги утопали в мягкой траве, усыпанной лепестками, и остановилась в нескольких шагах от него. Что-то было не так — я чувствовала это через связь, что дрожала в моей груди, но не так сильно, как вчера.

Она была тише, мягче, как будто тьма, что жила в нем, отступила, оставив после себя пустоту. Я хотела заговорить, спросить, что случилось ночью, но слова застряли в горле, как колючие шипы.

— Даниэль, — выдохнула я наконец, мой голос был слабым, почти шепотом, но он услышал. Его плечи дрогнули, но он не обернулся, не посмотрел на меня. Это молчание резало меня, как нож, и я сделала еще шаг, чувствуя, как сердце колотится в груди. — Что... что это было? Ночью... ты сказал, что это сон...

Он не ответил. Его голова слегка наклонилась, как будто он боролся с собой, но он не повернулся ко мне, не дал мне увидеть его лицо. Я сжала кулаки, ногти впились в ладони, оставляя красные следы, и шагнула еще ближе, почти касаясь его спины.

Связь между нами шевельнулась, передавая мне его смятение, его боль, и это было так странно, так непохоже на ту тьму, что я чувствовала вчера.

— Посмотри на меня, — сказала я, мой голос стал тверже, хоть и дрожал.

— Я хочу понять. Что происходит? Почему ты молчишь?

Он медленно повернулся, и я замерла, когда его глаза встретились с моими. Они были изумрудными — яркими, глубокими, как леса Квителиосса в разгар лета.

Чернота исчезла, оставив после себя тепло, что я видела на балу, в саду, когда он был другим — человеком, а не чудовищем. Мое дыхание перехватило, и я отступила на шаг, чувствуя, как мир вокруг меня качается.

Это был он — тот Даниэль, что поцеловал меня ночью, что говорил со мной мягко, но теперь в его взгляде было что-то еще: боль, вина, отчаяние.

— Это был сон, Астория, — сказал он тихо, его голос был хриплым, как будто каждое слово давалось ему с трудом. Он отвел глаза, глядя куда-то в сторону, на горы, на небо — куда угодно, только не на меня. — Забудь об этом.

— Забудь? — Мой голос сорвался, и я шагнула к нему, чувствуя, как гнев и смятение борются во мне. — Как я могу забыть? Ты был другим ночью — ты был... не тем, кто сделал это вчера. Ты сказал, что это сон, но я видела тебя, чувствовала тебя! А теперь ты молчишь, отстраняешься, будто ничего не было! Что с тобой происходит, Даниэль? Почему твои глаза... они снова изумрудные?

Он сжал челюсти, его кулаки напряглись сильнее, и я заметила, как вены проступили на его руках, как будто он сдер-

живал что-то внутри себя. Он не смотрел на меня, его взгляд был прикован к горизонту, и это молчание было хуже любого ответа.

Связь между нами дрожала, передавая мне его внутреннюю борьбу, но он закрылся от меня, как крепость, что заперла свои ворота.

— Это не твое дело, — сказал он наконец, его голос стал холоднее, но в нем не было той злобы, что я слышала вчера. Это была стена, что он воздвиг между нами. — Не спрашивай, Астория. Просто... делай, что я говорю.

Я покачала головой, слезы жгли глаза, но я сдержала их, сжимая кулаки так сильно, что ногти впились в кожу до крови.

— Нет, — сказала я, мой голос дрогнул, но я заставила себя продолжить. — Я не могу просто забыть. Ты был другим, Даниэль. Я видела это — ты был человеком, а не чудовищем. А вчера... вчера ты чуть не убил его, чуть не сломал меня! Что с тобой? Что ты скрываешь?

Он резко повернулся ко мне, и на миг я подумала, что он ударит меня, но он лишь шагнул ближе, его изумрудные глаза вспыхнули, как огонь в ночи. Его лицо было близко, слишком близко, и я почувствовала его дыхание — теплое, живое, не пропитанное той злобой, что была вчера.

— Ты ничего не знаешь, Астория, — прошипел он, его голос был низким, почти умоляющим, но в нем была сталь. — И не пытайся узнать. Это не твое бремя. Просто... держись

подальше от этого. Держись подальше от меня

Он отвернулся снова, его плечи опустились, как будто он нес на них весь мир, и пошел прочь, к солдатам, что уже сворачивали лагерь. Я стояла, глядя ему вслед, чувствуя, как связь между нами дрожит, передавая мне его смятение, его страх, его боль.

Он отстранился, замкнулся, и я поняла, что он не скажет мне правду — не сейчас.

Мои пальцы сжали край плаща, и я посмотрела на свои руки, дрожащие и слабые. Его глаза — изумрудные, живые — были ключом к чему-то, что я еще не понимала. Он не был тем чудовищем, что я видела вчера, но он скрывал что-то, что разрывало его изнутри. И я поклялась себе, что узнаю это, даже если придется сражаться с ним, с его тенью, с самой собой.

Глава 28: Астория

Дорога в Северное королевство тянулась бесконечно, как нить судьбы, что вела меня в неизвестность. Экипаж скрипел и покачивался на камнях, каждый толчок отдавался в моем теле, уставшем от бессонной ночи и бурь, что бушевали в моей душе.

Я сидела у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как пейзаж за ним сменяется с каждым часом. Золотые поля Квитериосса давно остались позади, уступив место суровым равнинам, где ветер гнал клочья седого тумана, а затем горам, чьи заснеженные вершины пронзали небо, как клыки древнего зверя.

Воздух становился все холоднее, проникая сквозь щели экипажа, и я плотнее закуталась в меховой плащ, чувствуя, как мороз кусает кожу.

Даниэль сидел напротив, молчаливый и отстраненный, как статуя, высеченная из черного камня. Его изумрудные глаза, что так поразили меня утром, были устремлены куда-то вдаль, через окно, но я знала, что он не видит гор или неба — его взгляд был обращен внутрь, в ту тьму, что он скрывал от меня.

Он не говорил со мной с того разговора на поляне, не смотрел в мою сторону, и это молчание было тяжелее любых слов. Связь между нами дрожала, передавая мне его смяте-

ние, его борьбу, но он закрылся от меня, как крепость, чьи ворота заперты на тысячу замков.

Я хотела кричать, требовать ответов, но что-то в его напряженных плечах, в его сжатых кулаках останавливало меня. Он был здесь, но словно не со мной, и это пугало меня больше, чем его вчерашняя ярость.

Экипаж замедлил ход, и я услышала голоса — громкие, радостные, смешанные с топотом копыт и скрипом колес. Я выглянула в окно, и мое сердце дрогнуло, когда передо мной открылся город.

Мы въезжали в столицу Северного королевства, и это было не похоже ни на что, что я видела раньше. Город раскинулся в долине, окруженной горами, чьи острые пики возвышались над ним, как стражи, охраняющие свои сокровища.

Улицы были вымощены серым камнем, блестящим от утренней росы, а дома — высокие, с крутыми крышами, покрытыми черной черепицей, — стояли плотно, как солдаты в строю. Их стены были сложены из того же камня, что и горы, но украшены резьбой — волки, звезды, узоры ветра, что вились по фасадам, как живые.

Жители высыпали на улицы, их лица светились радостью, а голоса сливались в гул приветствий. Мужчины в грубых шерстяных плащах, женщины в платьях с вышивкой, дети с покрасневшими щеками — все они махали руками, бросали цветы под колеса экипажа, кричали что-то на северном наречии, что звучало как песня ветра в соснах.

Я видела в их глазах не страх, а гордость, любовь, и это сбивало меня с толку.

Они встречали Даниэля как героя, как короля, что принес им мир, и я не могла понять, как тот, кто был чудовищем для меня, мог быть светом для них.

— Да здравствует король Даниэль! — кричали они, и их голоса эхом отдавались от каменных стен. — Да здравствует королева Астория!

Мое имя в их устах звучало странно, почти чуждо, и я вздрогнула, услышав его. Они знали меня? Они ждали меня? Я посмотрела на Даниэля, но он не шевельнулся, его лицо оставалось непроницаемым, как маска, и только слабое напряжение в уголках губ выдавало, что он слышит их.

Он не смотрел на меня, не говорил со мной, и это молчание резало меня, как холодный ветер, что гулял по улицам.

Экипаж свернул на широкую площадь, и я замерла, когда передо мной открылся замок. Он был огромным, черным, высеченным из мрамора, что блестел в утреннем свете, как обсидиан.

Его шпили пронзали небо, острые и величественные, как копья, а стены поднимались высоко, украшенные барельефами волков и драконов, чьи глаза из драгоценных камней сверкали, как живые.

Арки и колонны, массивные, но изящные, поддерживали галереи, что тянулись вдоль фасада, а окна — высокие, с витражами в виде звезд и теней — отражали свет, создавая ил-

люзию, что замок дышит, живет своей собственной жизнью.

Я не могла отвести взгляд. Это было великолепно — не просто здание, а воплощение силы, власти, чего-то древнего и непостижимого. Но в этой красоте была тьма, что пугала меня до дрожи. Замок был как Даниэль — прекрасный снаружи, но скрывающий внутри нечто холодное, жестокое, что я уже успела узнать.

Мое сердце сжалось, и я почувствовала, как связь между нами шевельнулась, передавая мне его присутствие — не гнев, не тьму, а что-то другое, что я не могла назвать. Он знал этот замок, он был его частью, и теперь я тоже становилась частью этого мира.

Экипаж остановился у подножия широкой лестницы, что вела к массивным дверям из черного дерева, украшенным серебряными волками.

Солдаты выстроились в ряд, их темно-синие плащи развевались на ветру, а копья блестели в лучах солнца. Жители города столпились вокруг, их голоса стали громче, и я услышала, как они кричат мое имя снова и снова. Это было странно, почти нереально — они видели во мне королеву, но я чувствовала себя пленницей, чьи цепи скрыты под шелком и мехом.

Даниэль вышел первым, его шаги были тяжелыми, уверенными, но он не протянул мне руку, не посмотрел на меня. Он поднялся по лестнице, не оборачиваясь, его белые волосы сияли, как снег, а черный камзол подчеркивал резкость

его фигуры. Я осталась сидеть, мои пальцы сжали край плаща, и я почувствовала, как горло сжимается от смеси страха и восхищения. Этот город, этот замок — они были его миром, его царством, и я была чужой здесь, потерянной среди камней и теней.

Один из солдат открыл дверцу экипажа и поклонился, его серые глаза мельком встретились с моими — это был тот стражник, что спас меня вчера, тот, кого я исцелила ночью. Его лицо было бледным, но живым, и в его взгляде мелькнула слабая улыбка, как луч света в этом мраке.

— Госпожа, — сказал он тихо, протягивая мне руку. — Добро пожаловать в Северное королевство - Альварес.

Я взяла его руку, чувствуя тепло его ладони, и шагнула наружу. Холодный ветер ударил в лицо, но я выпрямилась, стараясь не показать, как дрожат мои ноги. Я посмотрела на замок, на его черные шпили, на волков, что смотрели на меня с барельефов, и вдохнула морозный воздух, пропитанный запахом камня и хвои. Это было великолепно, но пугающе — как сон, что может обернуться кошмаром в любой момент.

Жители закричали громче, бросая цветы — белые, синие, алые, — и их лепестки падали к моим ногам, как снег. Я подняла взгляд на Даниэля, что стоял у дверей замка, все еще не глядя на меня, и поняла, что этот город, этот замок — они были его отражением. Прекрасные, сильные, но полные теней.

И я должна была найти свое место среди них, даже если

это означало шагнуть в темноту.

Глава 29 Астория

Я стояла перед массивными дверями замка, чувствуя, как холодный ветер обжигает щеки, а сердце бьется в груди, словно пойманная птица.

Даниэль исчез за черным деревом, не обернувшись, оставив меня одну перед этой величественной громадой. Толпа все еще гудела за моей спиной, их голоса сливались в единый радостный гул, но я едва слышала их. Мой взгляд был прикован к замку — к его черным стенам, что блестели, как обсидиан. Это было место силы, место тайн, и я знала, что переступаю порог не просто здания, а новой жизни, полной теней и неизведанного.

Стражник, что помог мне выйти из экипажа, мягко коснулся моего локтя, возвращая меня к реальности. В Его серых глаза мелькнули теплые искорки, и я благодарно кивнула ему, прежде чем сделать шаг вперед.

Двери распахнулись передо мной с низким, гулким скрипом, и я вошла внутрь, чувствуя, как морозный воздух снаружи сменяется теплом и запахом смолы, горящих свечей и чего-то древнего, почти магического.

Зал, что встретил меня, был огромен — высокий потолок терялся в тенях, поддерживаемый массивными колоннами, вырезанными из черного мрамора с прожилками серебра.

Стены украшали гобелены, сотканные из нитей, что переливались, как звездный свет, изображая сцены охоты, битв и заснеженных гор. Пол под ногами был выложен плитами из того же мрамора, отполированного до зеркального блеска, и мои шаги отдавались эхом, нарушая тишину.

Канделябры из кованого железа, увешанные сотнями свечей, горели ярко, отбрасывая золотые блики на стены и создавая иллюзию, что весь зал дышит теплом и жизнью.

Из теней выступила группа слуг — женщины в темно-синих платьях с серебряной вышивкой, их волосы были аккуратно собраны под чепцы, а лица светились сдержанным радушием. Они склонились в низком поклоне, и одна из них, с добрыми морщинками у глаз и голосом мягким, как зимний снег, заговорила:

— Добро пожаловать, госпожа Астория, королева Севера. Мы рады служить вам. Сегодня вечером в вашу честь будет дан бал, и мы проводим вас, чтобы подготовиться.

Я замерла, не ожидая такого приема. Их слова — "королева Севера" — звучали как заклинание, чужое и тяжелое, но я заставила себя улыбнуться, скрывая смутнение.

— Спасибо, — ответила я тихо, мой голос дрогнул, но я выпрямила спину, стараясь выглядеть достойно. Они окружили меня, мягко, но настойчиво ведя через зал к широкой лестнице, что вилась вверх, словно спираль драконьего хвоста. Ступени были покрыты алым бархатом, а перила — из черного дерева, украшенного резьбой в виде снежинок.

Мы поднялись на второй этаж, и меня провели по коридору, где стены были увешаны зеркалами в серебряных рамах, отражавшими свет факелов и мое собственное лицо — бледное, с золотыми глазами, полными тревоги.

Наконец, слуги остановились перед высокой дверью, украшенной волчьей головой из серебра, и распахнули ее, приглашая войти.

Комната, куда меня привели, была словно из сказки. Огромное окно во всю стену открывало вид на заснеженные горы, чьи вершины сияли в лучах закатного солнца.

Стены были обшиты темным деревом, но смягчены шелковыми драпировками цвета полуночи, расшитыми серебряными звездами. В центре стояла кровать с балдахином из прозрачного, как дым, муслина, увешанного крошечными кристаллами, что ловили свет и превращали его в мерцающие искры.

У камина, где уже потрескивал огонь, ждала ванна, наполненная горячей водой, от которой поднимался пар, пропитанный ароматом хвои и горных трав.

Слуги принялись за работу с тихой, отточенной грацией. Одна из них, молодая девушка с веснушками на щеках, помогла мне снять меховой плащ и мятое платье, что висело на мне, как напоминание о вчерашнем кошмаре. Я погрузилась в ванну, чувствуя, как тепло обволакивает тело, смывая грязь и усталость. Они вымыли мои волосы, втирая в них масло с запахом можжевельника, пока фиолетовые пряди не

заблестели, как шелк, струящийся в лунном свете.

Когда я вышла из воды, завернутая в мягкое полотенце, слуги подвели меня к зеркалу, где уже ждало платье — то самое, что должно было стать моим нарядом для бала. Я замерла, увидев его, дыхание перехватило от красоты, что была передо мной.

Платье было белым, но не простым — оно сияло, как первый снег под звездами, сотканное из ткани, что казалась живой, струящейся, как жидкий свет.

Лиф был плотно облегающим, вышитым тысячами крошечных кристаллов, что переливались всеми оттенками льда — от серебра до бледно-голубого, создавая иллюзию, что моя кожа покрыта инеем. Рукава, длинные и прозрачные, спадали с плеч, как крылья снежной птицы, сотканные из тончайшего шелка, что мерцал при каждом движении, словно сотня маленьких звезд танцевала на них.

Юбка начиналась от высокой талии, расширяясь книзу, как распутившийся цветок, и была усыпана еще большим количеством кристаллов, что звенели тихо, как колокольчики, при каждом шаге. Подол платья был расшит серебряными нитями, образующими узоры снежинок и северных ветров, что вились вокруг, словно живая метель.

. Сзади тянулся шлейф — длинный, легкий, как облако, усеянный теми же кристаллами, что ловили свет и отбрасывали его на пол, будто я оставляла за собой дорожку из звезд.

Слуги надели платье на меня, и я почувствовала, как оно

обнимает мое тело, легкое, но властное, подчеркивая каждый изгиб. Они уложили мои волосы в высокую прическу, оставив несколько локонов спадать на плечи, и украсили их серебряной диадемой, тонкой, как паутина, с одним крупным сапфиром в центре, что сиял, как кусочек неба Севера.

На шею мне надели ожерелье из того же серебра, с подвесками в виде звезд, что касались ключиц, холодные и живые.

Когда они закончили, я повернулась к зеркалу, и на миг не узнала себя. Передо мной стояла не Астория, принцесса Квитериосса, а королева Севера — величественная, холодная, как лед, но сияющая, как звезды над горами.

Платье струилось вокруг меня, как снежная буря, пойманная в ткань, и я чувствовала себя одновременно сильной и уязвимой, словно этот наряд был не просто украшением, а доспехами для битвы, что ждала меня впереди.

— Вы прекрасны, госпожа, — сказала старшая из слуг, ее голос был полон искреннего восхищения. — Король будет рад видеть вас такой красивой.

Я кивнула, но внутри меня боролись страх и решимость. Даниэль — будет ли он горд? Я сжала руки, чувствуя холод кристаллов под пальцами, и посмотрела в зеркало еще раз.

Этот бал был не просто праздником — это был мой первый шаг в этом новом мире, и я должна была пройти его с высоко поднятой головой, даже если внутри меня все дрожало.

— Пора, — сказала я тихо, и слуги отступили, пропуская

меня к двери. Я вдохнула глубже, чувствуя, как аромат хвои и смолы смешивается с теплом камина, и шагнула вперед, готовая встретить вечер, что изменит все.

Глава 30 Даниэль

Я стоял перед зеркалом в своих покоях, чувствуя, как холод камня под ногами просачивается сквозь подошвы сапог. Огонь в камине трещал, отбрасывая багровые блики на черные мраморные стены, но тепло не могло прогнать озноб, что жил во мне — не от холода Севера, а от той тени, что дремала в глубине моей души.

Сегодня был бал в честь Астории, моей жены, моей королевы, и я должен был явиться перед народом как король — сильный, непреклонный, достойный их веры. Но внутри я был расколот, как ледник, что трещит под весом собственной мощи.

Слуги двигались вокруг меня молча, их руки ловко расправляли складки черного камзола, что был сшит для этого вечера. Ткань была плотной, бархатистой, цвета самой глубокой ночи, с вышивкой из серебряных нитей, что изображала волков, бегущих среди звезд.

Высокий воротник, жесткий и строгий, подчеркивал линию моей челюсти, а длинный плащ, подбитый белым мехом горного волка, спадал с плеч тяжелыми волнами, его подол украшали такие же серебряные узоры.

На груди сиял медальон — герб Севера, волчья голова с глазами из изумрудов, что отражали свет, как мои собственные глаза в те редкие моменты, когда тень отступала.

Сапоги, черные и блестящие, доходили до колен, а меч, висящий на поясе, был не просто украшением — его рукоять из черного дерева сжималась моей рукой слишком часто, чтобы быть лишь символом.

Я провел рукой по волосам, белым, как снег на вершинах Альвареса, и слуга тут же подал мне тонкую серебряную корону, простую, но властную. Она легла на голову, холодная и тяжелая, как груз моего долга. Я посмотрел в зеркало — высокий, статный, с резкими чертами лица и изумрудными глазами, что сияли ярче обычного.

Тень была тиха, затаилась, и я чувствовал себя собой, хоть и ненадолго. Но этот вечер не был моим — он принадлежал ей, Астории, и я знал, что должен держать себя в руках ради нее, ради народа, ради того хрупкого мира, что мы пытались построить.

— Пора, мой господин, — сказал старший слуга, его голос был низким и почтительным. Я кивнул, расправил плечи и вышел из покоев, шаги мои гулко отдавались в коридоре.

Каждый звук, каждый отблеск света напоминал мне о том, кто я есть — король Севера, герой своего народа, и человек, что продал душу ради их спасения. Тень шевельнулась в груди, слабое эхо ее присутствия, но я стиснул зубы, загоняя ее глубже. Не сегодня. Не сейчас.

Бальный зал встретил меня гулом голосов и теплом сотен свечей, что горели в массивных люстрах, свисавших с потолка, как пойманные звезды. Зал был огромен, его стены из

черного мрамора сияли, отражая свет, а гобелены, изображающие битвы и северные пейзажи, колыхались от легкого сквозняка. Пол был выложен плитами, что сверкали, как лед под солнцем, а длинные столы вдоль стен ломились от яств — жареное мясо, фрукты в серебряных чашах, вино в хрустальных кубках.

Музыканты в углу играли мелодию, мягкую и торжественную, на скрипках и арфах, их звуки плыли над толпой, как туман над горами.

Гости — знать Севера, воины, советники — заполняли зал, их одежды были богатыми, но суровыми, в темных тонах с меховыми оторочками и серебряными украшениями.

Они обернулись ко мне, как только я вошел, их лица осветились гордостью и почтением. Я был их королем, их спасителем, и их взгляды говорили об этом громче слов.

— Да здравствует король Даниэль! — раздался крик, и зал взорвался приветствиями, кубки поднялись в воздух, вино плеснуло через края. Я кивнул, сдержанно улыбнувшись, и занял свое место на возвышении, где стояли два трона — мой, черный и строгий, и ее, пока пустующий, украшенный серебряными звездами. Я ждал ее, чувствуя, как сердце бьется чуть быстрее, чем обычно.

Астория... Что она сделает со мной сегодня?

Глава 31 Даниэль

Двери зала распахнулись снова, и музыка смолкла, как будто кто-то перерезал струны. Тишина накрыла всех, словно снег, и я поднял взгляд.

Она вошла — Астория, моя королева, и мир замер.

Она была сказкой, воплощением зимней ночи, что ожила перед нами.

Ее платье, белое, как первый снег, струилось вокруг нее, сияя кристаллами, что ловили свет и разбивали его на тысячи искр.

Лиф обнимал ее фигуру, подчеркивая тонкую талию, и мерцал, как ледяная корка под луной, а прозрачные рукава спадали с плеч, как крылья снежной феи, сотканые из звездного света

. Юбка колыхалась при каждом шаге, ее подол, расшитый серебряными снежинками, звенел тихо, как колокольчики в метели, а шлейф тянулся за ней, словно дорожка из звезд, упавших с неба.

Фиолетовые волосы, уложенные в высокую прическу, сияли, как лунный водопад, а диадема с сапфиром на лбу горела, как кусочек северного неба.

Ее золотые глаза, яркие и живые, смотрели прямо вперед, и в них была сила, что заставила мое дыхание замереть. Гости ахнули, их шепот пронесся по залу, как ветер по лесу.

Женщины прижали руки к груди, мужчины замерли, кубки повисли в воздухе. Они видели в ней не просто королеву — они видели богиню, спустившуюся с гор, чудо, что оживило этот суровый край.

Их взгляды были полны восхищения, благоговения, и я слышал, как кто-то прошептал: "Она достойна Севера". Я не мог отвести глаз. Она была прекрасна — не просто красива, а сверхъестественно, пугающе прекрасна, и что-то внутри меня дрогнуло, теплое, живое, чего я не чувствовал годами.

Я встал, не осознавая этого, ведомый порывом, что я не мог сдержать. Мое сердце, холодное и закованное в лед, вдруг забилось быстрее, сильнее, и я понял, что влюбляюсь в нее — в ее силу, в ее свет, в ее красоту, что пробивала тьму, живущую во мне.

Она шла ко мне, каждый шаг был как удар молота по моему самоконтролю, и я хотел сказать ей что-то, что угодно, лишь бы она посмотрела на меня не с ненавистью, а с тем теплом, что я видел в ее глазах ночью.

Но затем я почувствовал это — холод, что пополз по венам, как яд. Тень проснулась, ее шепот зазвучал в моей голове, низкий и злобный: "Она слишком яркая. Сломай ее. Подчини." Мои руки сжались в кулаки, ногти впились в ладони, и я стиснул зубы, борясь с ней. Нет. Не сейчас. Я не дам ей взять верх. Я сосредоточился на Астории, на ее золотых глазах, на ее свете, и тень отступила, подавленная моей волей, но я знал — это ненадолго.

Она поднялась на возвышение, остановившись в шаге от меня, и зал разразился аплодисментами, криками: "Да здравствует королева Астория!" Я смотрел на нее, чувствуя, как изумруд в моих глазах меркнет, уступая черноте, но я все еще держался. Я протянул ей руку, мой голос был хриплым, но мягким:

— Ты великолепна, Астория. Север гордится своей королевой.

Ее взгляд встретился с моим, и я увидел в нем смятение, страх, но и что-то еще — искру, что не гасла даже под моим взглядом. Она вложила свою ладонь в мою, холодную и дрожащую, и я сжал ее, пытаюсь передать ей тепло, что еще жил во мне.

Но тень шевельнулась снова, сильнее, и я понял, что моя борьба проиграна. Скоро она вернется, и я не смогу остановить ее. Не в этот раз.

Глава 32 Астория

Музыка взлетела под сводами зала, мягкая и торжественная, как дыхание ветра в горах, и я почувствовала, как мое сердце забилось быстрее, когда Даниэль сжал мою руку.

Его пальцы были теплыми, но в этом тепле сквозила какая-то напряженность, словно он сдерживал нечто большее, чем просто свои эмоции. Я посмотрела в его глаза — изумрудные, но с тенью, что клубилась в их глубине, как дым над костром.

Он был здесь, со мной, но я чувствовала, что часть его ускользает, растворяется в той тьме, которую я пока не могла понять.

— Потанцуем, моя королева? — спросил он, его голос был низким, с легкой хрипотцой, и в нем мелькнула нотка, которую я не могла разгадать — то ли насмешка, то ли мольба.

Я кивнула, не доверяя своему голосу, и позволила ему повести меня к центру зала. Толпа расступилась перед нами, их взгляды жгли мою спину, но я старалась держать голову высоко, чувствуя, как кристаллы на платье звенят тихо, как снежинки, падающие на лед.

Его рука легла на мою талию, твердая и властная, а другая сжала мою ладонь, и мы закружились в первом танце. Музыка обволакивала нас, скрипки пели мелодию, что была одновременно нежной и суровой, как сам Север.

Даниэль вел уверенно, его шаги были точными, выверенными, и я чувствовала его силу — не только физическую, но и ту, что исходила изнутри, подавляющая и притягательная. Мое платье струилось вокруг, шлейф оставлял за собой мерцающую дорожку, и я видела, как гости заворуженно следят за каждым нашим движением.

Я подняла взгляд на него, пытаюсь поймать его глаза, но он смотрел чуть выше, куда-то в пространство, словно боялся встретиться со мной взглядом. Связь между нами дрожала, передавая мне его смятение, его борьбу, и я невольно сжала его руку сильнее.

Что с тобой, Даниэль?

Почему ты прячешься от меня даже сейчас?

Но он не ответил на мой немой вопрос, лишь слегка наклонил голову, и его белые волосы упали на лоб, закрывая часть лица.

Танец был прекрасен и мучителен одновременно. Я чувствовала себя невесомой в его руках, как снежинка, пойманная ветром, но в то же время — пленницей, чьи цепи скрыты под шелком и кристаллами. Когда мелодия достигла кульминации, он закружил меня в последний раз, и я ощутила, как его пальцы на моей талии дрогнули, словно он хотел сжать сильнее, но сдержался.

Музыка смолкла, и зал взорвался аплодисментами, криками восхищения, но я едва слышала их. Мое дыхание было неровным, и я смотрела на него, ожидая хоть слова, хоть

взгляда, но он лишь поклонился мне, холодно и официально, и повел к тронам.

Мы сели — он на свой, черный и строгий, я на свой, украшенный серебряными звездами, что сияли, как осколки неба. Я сложила руки на коленях, чувствуя, как дрожат пальцы, и постаралась улыбнуться, когда гости начали подходить к нам.

Дворяне Севера, одетые в темные одежды с меховыми оторочками и серебряными украшениями, выстроились в очередь, чтобы поприветствовать свою новую королеву. Их лица были суровыми, но в глазах светилось уважение, а иногда и любопытство.

Первым подошел пожилой мужчина с седой бородой, его плащ был подбит мехом черного медведя. Он поклонился, его движения были медленными, но полными достоинства, и протянул мне деревянную шкатулку, инкрустированную серебром.

— Лорд Торвальд из долины Снежных Клыков, — представился он, его голос был низким и гулким, как эхо в горах. — В дар вашей милости — ожерелье из горного хрусталя, добытого в наших шахтах. Пусть оно напомнит вам о стойкости Севера.

Я открыла шкатулку и ахнула — внутри лежало ожерелье из прозрачных кристаллов, что переливались, как лед под солнцем. Я поблагодарила его, стараясь скрыть, как дрожит мой голос, и он отступил, уступая место следующему.

Дворяне подходили один за другим, принося дары — меха, украшения, кубки из серебра с гравировкой волков и звезд. Каждая вещь была прекрасна, каждая несла в себе частичку этого сурового края, и я чувствовала, как Север медленно проникает в меня, становясь частью моей новой жизни.

Но мой взгляд то и дело возвращался к Даниэлю — он сидел неподвижно, его лицо было маской спокойствия, но я видела, как напряжены его руки, сжимающие подлокотники трона.

Затем вперед вышел молодой мужчина, и я невольно задержала дыхание. Он был высок, с широкими плечами и темными волосами, что спадали на плечи мягкими волнами, обрамляя лицо с резкими, но красивыми чертами.

Его глаза, глубокие и карие, сияли теплом, а улыбка была открытой, почти мальчишеской, что резко контрастировало с холодной сдержанностью остальных. На нем был темно-синий камзол с серебряной вышивкой, и он двигался с непринужденной грацией, как хищник, знающий свою силу.

Глава 33 Астория

— Эйдан Армари, — представился он, его голос был глубоким и мелодичным, с легкой насмешкой. — Двоюродный брат вашего супруга, моя королева. Рад видеть, что Север обрел такую прекрасную госпожу.

Он поклонился, но в его поклоне было что-то шутовское, и я не смогла сдержать слабой улыбки. Он протянул мне бархатную коробку, и когда я открыла ее, мое сердце замерло. Внутри лежала тиара — великолепная, сотканная из серебра, тонкая, как паутина, и усыпанная сапфирами и бриллиантами, что сияли, как звезды в ночном небе. Ее изящные линии напоминали ветви, покрытые инеем, и она была так прекрасна, что я забыла, как дышать.

— Это... невероятно, — прошептала я, поднимая взгляд на Эйдана. Он улыбнулся шире, и в его глазах мелькнула искренняя радость.

— Она создана мастером из Альвареса, — сказал он. — Я подумал, что такая красота достойна вашей головы, королева Астория. Носите ее с гордостью.

Я поблагодарила его, чувствуя, как тепло его слов смягчает холод внутри меня, и он отступил, бросив быстрый взгляд на Даниэля. Я заметила, как мой муж слегка нахмурился, но тут же скрыл это за маской равнодушия.

Дворяне продолжали подходить, но я все еще ощущала

тепло тиары в руках, ее холодные камни под пальцами.

Эйдан был другим — не таким, как суровые лорды Севера, и его присутствие оставило во мне легкое любопытство.

Кто он для Даниэля? И почему его улыбка казалась такой искренней в этом мире теней?

Внезапно двери бального зала распахнулись с громким стуком, и все головы повернулись к входу. Музыка оборвалась, и в зал вбежала маленькая девочка, не старше четырех лет.

Она была словно весенний цветок, случайно занесенный в суровую зиму Севера. Ее светлые волосы, почти белые, как у Даниэля, были заплетены в две аккуратные косички, перевязанные голубыми лентами, что слегка растрепались от ее стремительного бега.

Глаза — огромные, ярко-изумрудные, такие же, как у ее отца, сияли радостью и нетерпением. На ней было нежно-голубое платье с пышной юбкой, украшенное кружевными оборками и крошечными серебряными звездочками, что поблескивали при каждом движении. Маленькие туфельки, белые и блестящие, стучали по мраморному полу, а ее щеки покраснели от бега, придавая ей вид живой куколки, полной жизни и света.

— Папа! Я скучала! — звонкий голосок разнесся по залу, чистый и ясный, как колокольчик, перекрывая шепот толпы. Она бежала, ее маленькие ножки заплетались от спешки, но она не останавливалась, вытянув вперед тонкие ручки с пух-

лыми пальчиками, словно стремилась обнять весь мир.

Я замерла, чувствуя, как мир вокруг меня рушится.

Пана?

Глава 34 Астория

Мое сердце остановилось, а взгляд метнулся к Даниэлю. Его лицо, до этого холодное и непроницаемое, дрогнуло, и в его изумрудных глазах вспыхнула смесь удивления, радости и нежности, которой я никогда не видела раньше.

Он встал с трона, его движения были быстрыми, почти инстинктивными, и вдруг опустился на одно колено, широко распахнув объятия. Девочка, добежав до него, с радостным визгом влетела в его руки, словно маленький вихрь света и смеха.

Даниэль подхватил ее, крепко прижимая к себе, и закружил в воздухе. Ее косички взлетели, платице заколыхалось, как лепестки цветка на ветру, а звонкий смех заполнил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.